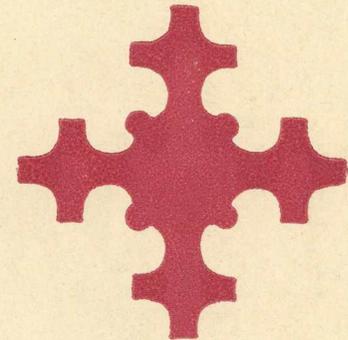
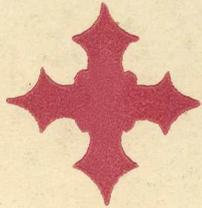

ЗНАМА
ПРЕПОДОБНАГО СЕРГІА
РАДОНЕЖСКАГО

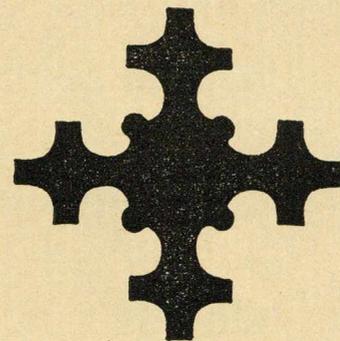
ИЗДАТЕЛЬСТВО
ЯЛТНИРЪ
1934

THE ARCHIVE OF
NICHOLAS
ROERICH
MUSEUM

PRINTED IN LATVIA

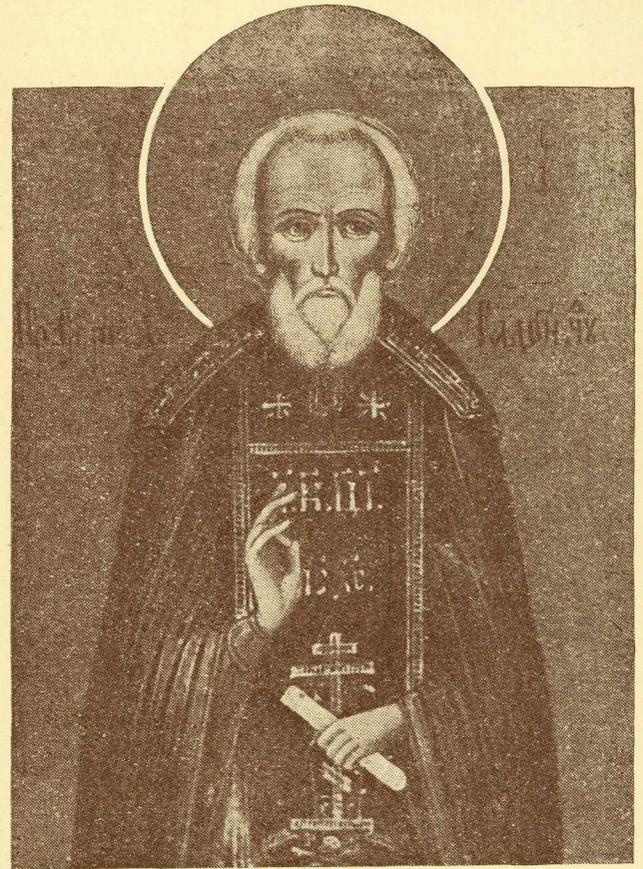
ЗНАМА
ПРЕПОДОБНАГО СЕРГІА
РАДОНЕЖСКАГО

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ЯЛТИРЪ
1934

THE ARCHIVE OF
NICHOLAS
ROERICH
MUSEUM

СВ. СЕРГІЙ РАДОНЕЖСЬКИЙ

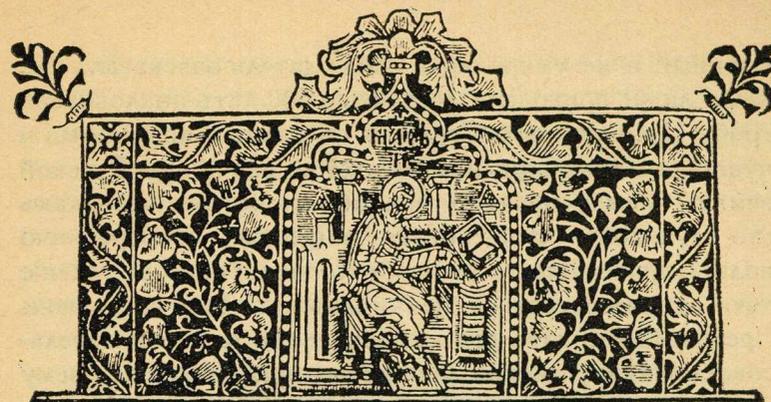
Много прекрасныхъ страницъ написано лучшими людьми о Благодатномъ Воспитателѣ и Заступникѣ Земли Русской, Преподобномъ Сергіи. Не мало и устныхъ преданій хранится еще въ памяти народной, особенно среди странниковъ безымянныхъ; не мало и пророчествъ и видѣній, связанныхъ съ этимъ Свѣтоносцемъ, такъ же какъ и легендъ, возникшихъ со времени расхищенія и надруганія надъ великою Святынею Русскою.

И рѣшили мы отобрать эти жемчужины, чтобы напомнить сердцу русскому о томъ Сокровенномъ и Неисчерпаемомъ Сокровищѣ, которымъ оно владѣтъ.

Знали люди русскіе, что тамъ, гдѣ ведутъ ихъ Завѣты и Знамя Преподобнаго, тамъ и событія отмѣчены будутъ побѣдою—такъ оно и было. Но когда въ сердцѣ ихъ затуманился Ликъ Владыки Пресвѣтлаго, событія грозныя обрушились на Землю Русскую — горькую чашу испилъ русскій народъ!

Люди Земли Русской! Обратимся же снова къ Его свѣтлымъ и суровымъ Завѣтамъ, сплотимъ сердца наши вокругъ Преславнаго Водителя и Заступника нашего, подыmemъ Знамя Видѣнія Его дивнаго и, восхитившись духомъ, устремимся къ новому подвигу, къ новому строительству Страны Свѣтлой!

Отче Сергіи, Дивный, съ Тобою идемъ,
съ Тобою побѣдимъ!

БЛАГОДАТНЫЙ ВОСПИТАТЕЛЬ
русского
НАРОДНАГО ДУХА.

Рѣчь Профессора Академика В. О. Ключевскаго,
произнесенная въ торжественномъ собраніи Московской
Духовной Академіи 26 сентября 1892 г. въ память
Преподобнаго Сергія.

Когда вмѣстѣ съ разнообразной, набожно крестящейся народной волной вступаешь въ ворота Сергіевой Лавры, иногда думаешь: почему въ этой обители нѣтъ и не было особаго наблюдателя, подобнаго древнерусскому лѣтописцу, который спокойнымъ неизмѣннымъ взглядомъ наблюдалъ и ровной безстрастной рукой записывалъ, „еже содѣяся въ Русской землѣ“, и дѣлалъ это одинаково изъ года въ годъ, изъ вѣка въ вѣкъ, какъ будто это былъ одинъ и тотъ же человѣкъ, не умиравшій цѣлыя столѣтія. Такой без-

смѣнный и не умирающій наблюдатель разсказалъ бы, какіе люди приходили въ теченіе 500 лѣтъ поклониться гробу Преподобнаго Сергія и съ какими помыслами и чувствами возвращались отсюда во всѣ концы Русской земли. Между прочимъ онъ объяснилъ бы намъ, какъ это случилось, что составъ общества, непрерывною волной притекавшаго ко гробу Преподобнаго, въ теченіе пяти вѣковъ оставался неизмѣннымъ. Еще при жизни Преподобнаго, какъ разсказываетъ его жизнеописатель-современникъ, многое множество приходило къ нему изъ различныхъ странъ и городовъ и въ числѣ приходившихъ были и иноки, и князья, и вельможи, и простые люди, „на селѣ живущіе.“ И въ наши дни люди всѣхъ классовъ русскаго общества притекаютъ ко гробу Преподобнаго съ своими думами, мольбами и упованіями, государственные дѣятели приходятъ въ трудные переломы народной жизни, простые люди въ печальныя или радостныя минуты своего частнаго существованія. И этотъ притокъ не измѣнялся въ теченіи вѣковъ, несмотря на неоднократныя и глубокія перемѣны въ строѣ и настроеніи русскаго общества: старыя понятія изсякали, новыя пробивались или наплывали, а чувства и вѣрованія, которыя влекли сюда людей со всѣхъ концовъ Русской земли, бьютъ до сихъ поръ тѣмъ же свѣжимъ ключемъ, какъ били въ XIV в. Если бы возможно было воспроизвести писаніемъ все, что соединилось съ памятью Преподобнаго, что въ эти 500 лѣтъ было молчаливо передумано и пережито предъ его гробомъ милліонами умовъ и сердецъ, это описаніе было бы полной глубокаго содержанія исторіей нашей всенародной политической и нравственной жизни.

Впрочемъ, если Преп. Сергій доселѣ остается для приходившихъ къ нему тѣмъ же, чѣмъ былъ для нихъ при своей жизни, то и теперь на ихъ лицахъ можно прочесть то же, что прочесть бы монастырскій наблюдатель на лицахъ своихъ современниковъ 400 или 500 лѣтъ назадъ. Достаточно взглянуть на первыя встрѣчныя лица изъ многаго множества, въ эти дни здѣсь тѣснящагося, чтобы понять, во имя чего поднялись съ своихъ мѣстъ эти десятки тысячъ, а сотни другихъ мысленно слѣдовали за ними. Да и каждый изъ насъ въ своей собственной душѣ найдетъ то же общее чувство, стоя у гробницы Преподобнаго. У этого чувства уже нѣтъ исторіи, какъ для того, кто покоится въ этой гробницѣ, давно остановилось движеніе времени. Это чувство вотъ ужъ пять столѣтій одинаково загорается въ душѣ молящагося у этой гробницы, какъ солнечный лучъ въ продолженіе тысячелѣтій одинаково свѣтится въ каплѣ чистой воды. Спросите любого изъ этихъ простыхъ людей, съ посохомъ и котомкой пришедшихъ сюда издалека: когда жилъ Преподобный Сергій и что сдѣлалъ для Руси XIV вѣка, чѣмъ онъ былъ для своего времени? и рѣдкій изъ нихъ дастъ вамъ удовлетворительный отвѣтъ; но на вопросъ, что онъ есть для нихъ, далекихъ потомковъ людей XIV вѣка, и зачѣмъ они теперь пришли къ нему, каждый отвѣтитъ твердо и вразумительно.

Есть имена, которыя носили историческіе люди, жившіе въ извѣстное время, дѣлавшіе исторически-извѣстное жизненное дѣло, но имена, которыя уже утратили хронологическое значеніе, выступили изъ границъ времени, когда жили ихъ носители. Это потому,

что дѣло, сдѣланное такимъ человѣкомъ, по своему значенію такъ далеко выходило за предѣлы своего вѣка, своимъ благотворнымъ дѣйствіемъ такъ глубоко захватило жизнь дальнѣйшихъ поколѣній, что съ лица, его сдѣлавшаго, въ сознаніи этихъ поколѣній постепенно спадало все временное и мѣстное, и оно изъ историческаго дѣятеля превратилось въ народную идею, а самое дѣло его изъ историческаго факта стало практической заповѣдью, завѣтомъ, тѣмъ, что мы привыкли называть идеаломъ. Такіе люди становятся для грядущихъ поколѣній не просто великими покойниками, а вѣчными ихъ спутниками, даже путеводителями, и цѣлые вѣка благоговѣйно твердятъ ихъ дорогія имена не столько для того чтобы благодарно почитать ихъ память, сколько, для того, чтобы самимъ не забыть правила, ими завѣщаннаго. Таково имя Преподобнаго Сергія: это не только назидательная, отрадная страница нашей исторіи, но и свѣтлая черта нашего нравственнаго народнаго содержанія.

Какой подвигъ такъ освятилъ это имя? Надобно припомнить время, когда подвизался Преподобный. Онъ родился, когда вымирали послѣдніе старики, увидѣвшіе свѣтъ около времени татарскаго разгрома Русской земли, и когда уже трудно было найти людей, которые бы этотъ разгромъ помнили. Но во всѣхъ русскихъ нервахъ еще до боли живо было впечатлѣніе ужаса, произведеннаго этимъ всенароднымъ бѣдствіемъ и постоянно подновлявшагося многократными мѣстными нашествіями татаръ. Это было одно изъ тѣхъ народныхъ бѣдствій, которыя приносятъ не только матеріальное, но и нравственное раззореніе, надолго повергая народъ въ мертвенное оцѣпенѣніе. Люди без-

помощно опускали руки, умы теряли всякую бодрость и упругость и безнадежно отдавались своему прискорбному положенію, не находя и не ища никакого выхода. Что еще хуже, ужасомъ отцовъ, переживавшихъ бурю, заражались дѣти, родившіяся послѣ нея. Мать пугала непокойнаго ребенка лихимъ татарининомъ; услышавъ это злое слово, взрослые растерянно бросались бѣжать, сами не зная куда. Виѣшняя случайная бѣда грозила превратиться во внутренній хроническій недугъ; паническій ужасъ одного поколѣнія могъ развиться въ народную робость, въ черту національнаго характера, и въ исторіи человѣчества могла бы прибавиться лишняя темная страница, повѣтствующая о томъ, какъ нападеніе азіатскаго монгола повело къ паденію великаго европейскаго народа.

Могла ли, однако, прибавиться такая страница? Однимъ изъ отличительныхъ признаковъ великаго народа служить его способность подниматься на ноги послѣ паденія. Какъ бы ни было тяжело его униженіе, но пробьетъ урочный часъ, онъ соберетъ свои растерянные нравственные силы и воплотитъ ихъ въ одномъ великомъ человѣкѣ или въ нѣсколькихъ великихъ людяхъ, которые и выведутъ его на покинутую имъ временно прямую историческую дорогу.

Русскіе люди, сражавшіеся и уцѣлѣвшіе въ бою на Сити, сошли въ могилу со своими сверстниками, безнадежно оглядываясь вокругъ, не займется ли гдѣ заря освобожденія? За ними послѣдовали ихъ дѣти, тревожно наблюдавшія, какъ многочисленные русскіе князья холопствовали передъ татарами и дрались другъ съ другомъ. Но подросли внуки, сверстники Ивана Калиты, и стали присматриваться и прислуши-

ваться къ необычнымъ дѣламъ въ Русской землѣ. Въ то время, какъ всѣ русскія окраины страдали отъ внѣшнихъ враговъ, маленькое срединное Московское княжество оставалось безопаснымъ, и со всѣхъ краевъ Русской земли потянулись туда бояре и простые люди. Въ то же время московскіе князьки, братья Юрій и этотъ самый Иванъ Калита, смѣло, безъ оглядки и раздумья, пуская противъ враговъ всѣ доступныя средства, ставя въ игру все, что могли поставить, вступили въ борьбу съ старшими и сильнѣйшими князьями за первенство, за старшее Владимірское княженіе, и при содѣйствіи самой Орды отбили его у соперниковъ. Тогда же устроилось такъ, что и русскій митрополитъ, жившій во Владимірѣ, сталъ жить въ Москвѣ, придавъ этому городку значеніе церковной столицы Русской земли. И какъ только случилось все это, всѣ почувствовали, что татарскія опустошенія прекратились и наступила давно неиспытанная тишина въ Русской землѣ. По смерти Калиты Русь долго вспоминала его княженіе, когда ей впервые, въ столѣтъ рабства, удалось вздохнуть свободно, и любила украшать память этого князя благодарной легендой.

Такъ къ половинѣ XIV в. подросло поколѣніе, выросшее подъ впечатлѣніемъ этой тишины, начавшее отвыкать отъ страха ордынскаго, отъ нервной дрожи отцовъ при мысли о татаринѣ. Недаромъ представителю этого поколѣнія, сыну великаго князя Ивана Калиты, Симеону, современники дали прозваніе Гордаго. Это поколѣніе и почувствовало ободреніе, что скоро забрежжетъ свѣтъ. Въ это именно время, въ началѣ сороковыхъ годовъ XIV в., совершились три знаменательныя событія: изъ московскаго Богоявлен-

скаго монастыря вызванъ былъ на церковно-административное поприще скрывавшійся тамъ скромный 40-лѣтній инокъ Алексій; тогда же одинъ 20-лѣтній искатель пустыни, будущій Преподобный Сергій, въ дремучемъ лѣсу—вотъ на этомъ самомъ мѣстѣ—поставилъ маленькую деревянную келію съ такой же церковію, а въ Устюгѣ у бѣднаго соборнаго причетника родился сынъ, будущій просвѣтитель Пермской земли св. Стефанъ. Ни одного изъ этихъ именъ нельзя произнести, не вспомнивъ двухъ остальныхъ. Эта присноблаженная троица яркимъ созвѣздіемъ блещетъ въ нашемъ XIV в., дѣлая его зарей политическаго и нравственнаго возрожденія Русской земли. Тѣсная дружба и взаимное уваженіе соединяли ихъ другъ съ другомъ. Митрополитъ Алексій навѣщаль Сергія въ его обители и совѣтовался съ нимъ, желалъ имѣть его своимъ преемникомъ. Припомнимъ задушевный разговоръ въ житіи Преподобнаго Сергія о проѣздѣ св. Стефана Пермскаго мимо Сергіева монастыря, когда оба друга на разстояніи 10 слишкомъ верстъ обмѣнялись братскими поклонами.

Всѣ три св. мужа, подвизаясь каждый на своемъ поприщѣ, дѣлали одно общее дѣло, которое простиралось далеко за предѣлы церковной жизни и широко захватывало политическое положеніе всего народа. Это дѣло—укрѣпленіе Русскаго государства, надъ созиданіемъ котораго по своему трудились московскіе князья XIV в. Это дѣло было исполненіемъ завѣта, даннаго русской церковной іерархіи величайшимъ святителемъ древней Руси митрополитомъ Петромъ. Еще въ мрачное время татарскаго ига, когда ни откуда не проступалъ лучъ надежды, онъ, по преданію, проро-

чески благословлялъ бѣдный тогда городокъ Москву, какъ будущую церковную и государственную столицу Русской земли.

Духовными силами трехъ нашихъ св. мужей XIV в., воспринявшихъ этотъ завѣтъ святителя, Русская земля и пришла поработать надъ предвозвѣщенной судьбой этого города. Ни одинъ изъ нихъ не былъ кореннымъ москвичемъ. Но въ ихъ лицѣ сошлись для общаго дѣла три основныя части Русской земли: Алексій, сынъ черниговскаго боярина-переселенца, представлялъ старый кievскій югъ, Стефанъ—новый финско-русскій сѣверъ, а Сергій, сынъ ростовскаго боярина-переселенца, велико-русскую средину. Они приложили къ дѣлу могущественныя духовныя силы. Это были образованнѣйшіе русскіе люди своего вѣка: о нихъ древніе жизнеописатели замѣчаютъ, что одинъ „всю грамоту добрѣ умѣя“, другой „всякое писаніе ветхаго и новаго завѣта пройде“, третій даже „книги греческія извыче добрѣ“. Потому вѣдь и удалось московскимъ князьямъ такъ успѣшно собрать въ своихъ рукахъ матеріальныя, политическія силы русскаго народа, что имъ дружно содѣйствовали добровольно соединившіяся духовныя его силы.

Но въ общемъ дѣлѣ каждый изъ трехъ дѣятелей дѣлалъ свою особую часть. Они не составляли общаго плана дѣйствій, не распредѣляли между собой призываній и подвиговъ и не могли этого сдѣлать, потому что были люди разныхъ поколѣній. Они хотѣли работать надъ самими собой, дѣлать дѣло собственнаго душевнаго спасенія. Дѣятельность cadaго текла своимъ особымъ русломъ, но текла въ одну сторону съ двумя другими, направляемая таинственными исто-

рическими силами, въ видимой работѣ которыхъ вѣрующій умъ прозрѣваетъ міродержавную десницу Провидѣнія. Личный долгъ cadaго своимъ путемъ велъ всѣхъ троихъ къ одной общей цѣли. Происходя изъ родовитаго боярства, искони привыкшаго дѣлать съ князьями труды обороны и управленія страны, митрополитъ Алексій шелъ боевымъ политическимъ путемъ, былъ преемственно главнымъ совѣтникомъ трехъ великихъ князей московскихъ, руководилъ ихъ боярской думой, ѣздилъ въ орду ублажать хановъ, отмаливая ихъ отъ злыхъ замысловъ противъ Руси, воинствовалъ съ недругами Москвы всѣми средствами своего сана, каралъ церковнымъ отлученіемъ русскихъ князей, непослушныхъ московскому государю, поддерживая его первенство, съ неослабной энергіей отстаивая значеніе Москвы, какъ единственнаго церковнаго средоточія всей политически разбитой Русской земли. Уроженецъ г. Устюга, въ краю котораго новгородская и ростовская колонизація, сливаясь и вовлекая въ свой потокъ туземную Чудь, создавала изъ нея новую Русь, св. Стефанъ пошелъ съ христіанской проповѣдью въ Пермскую землю продолжать это дѣло обрусенія и просвѣщенія заволжскихъ инородцевъ. Такъ церковная іерархія благословила своимъ починомъ двѣ народныя цѣли, достиженіе которыхъ послужило основаніемъ самостоятельнаго политическаго существованія нашего народа: это—сосредоточеніе династически раздробленной государственной власти въ московскомъ княжескомъ домѣ и приобщеніе восточно-европейскихъ и азіатскихъ инородцевъ къ Русской Церкви и народности посредствомъ христіанской проповѣди.

Но чтобы сбросить варварское иго, построить прочное независимое государство и ввести инородцевъ въ ограду христіанской Церкви, для этого самому русскому обществу должно было стать въ уровень столь высокиѣ задачѣ, приподнять и укрѣпить свои нравственныя силы, приниженныя вѣковыми поработаніемъ и уныніемъ. Этому третьему дѣлу, нравственному воспитанію народа, и посвятилъ свою жизнь Преподобный Сергій. То была внутренняя миссія, долженствовавшая служить подготовкой и обезпеченіемъ успѣховъ миссіи внѣшней, начатой пермскимъ просвѣтителемъ; Преподобный Сергій и вышелъ на свое дѣло значительно раньше св. Стефана. Разумѣется, онъ могъ примѣнять къ дѣлу средства нравственной дисциплины, ему доступныя и понятныя тому вѣку, а въ числѣ такихъ средствъ самымъ сильнымъ былъ живой примѣръ, наглядное осуществленіе нравственнаго правила. Онъ началъ съ самого себя и продолжительнымъ уединеніемъ, исполненнымъ трудовъ и лишеній среди дремучаго лѣса, приготовился быть руководителемъ другихъ пустынножителей. Жизнеописатель, самъ жившій въ братствѣ, воспитанномъ Сергіемъ, живыми чертами описываетъ, какъ оно воспитывалось, съ какой постепенностью и любовью къ человѣку, съ какимъ терпѣніемъ и знаніемъ души человѣческой. Мы всѣ читали и перечитывали эти страницы древняго житія, повѣствующія о томъ, какъ Сергій, начавъ править собиравшейся къ нему братіей, былъ для нея поваромъ, пекаремъ, мельникомъ, дровоколомъ, портнымъ, плотникомъ, какимъ угодно трудникомъ, служилъ ей, какъ рабъ купленный, по выраженію житія, ни на одинъ часъ не складывалъ

рукъ для отдыха; какъ потомъ, ставъ настоятелемъ обители и продолжая ту же черную хозяйственную работу, онъ принималъ искавшихъ у него постриженія, не спускалъ глазъ съ каждаго новичка, возводя его со степени на степень иноческаго искуса, указывалъ дѣло всякому по силамъ, ночью дозоромъ ходилъ мимо келій, легкимъ стукомъ въ дверь или окно напоминалъ празднословившимъ, что у монаха есть лучшіе способы проводить досужее время, а поутру осторожными намеками, не обличая прямо, не заставляя краснѣть, „тихой и кроткой рѣчью“ вызывалъ въ нихъ раскаяніе безъ досады. Читая эти рассказы, видишь предъ собою практическую школу благонравія, въ которой сверхъ религіозно-иноческаго воспитанія главными житейскими науками были умѣнье отдавать всего себя на общее дѣло, навыкъ къ усиленному труду и привычка къ строгому порядку въ занятіяхъ, помыслахъ и чувствахъ. Наставникъ велъ ежедневную дробную терпѣливую работу надъ каждымъ отдѣльнымъ братомъ, надъ отдѣльными особенностями каждаго брата, приспособляя ихъ къ цѣлямъ всего братства. По послѣдующей самостоятельной дѣятельности учениковъ Преподобнаго Сергія видно, что подъ его воспитательнымъ руководствомъ лица не обезличивались, личныя свойства не стирались, каждый оставался самъ собой и, становясь на свое мѣсто, входилъ въ составъ сложнаго и стройнаго цѣлаго, какъ въ мозаической иконѣ различныя по величинѣ и цвѣту камешки укладываются подъ рукой мастера въ гармоническое выразительное изображеніе. Наблюденіе и любовь къ людямъ дали умѣнье тихо и кротко настраивать душу человѣка и извлекать изъ нея, какъ изъ

хорошаго инструмента, лучшія ея чувства,—то умѣнье, передъ которымъ не устоялъ самый упрямый русскій человѣкъ XIV вѣка кн. Олегъ Ивановичъ рязанскій, когда по просьбѣ великаго князя московскаго Дмитрія Ивановича, какъ рассказываетъ лѣтописецъ, „старецъ чудный“ отговорилъ „суровѣйшаго“ рязанца отъ войны съ Москвой, умиливъ его тихими и кроткими рѣчами и благоувѣтливыми глаголами.

Такъ воспитывалось дружное братство, производившее, по современнымъ свидѣтельствамъ, глубокое назидательное впечатлѣніе на мірянъ. Міръ приходилъ къ монастырю съ пытливымъ взглядомъ, какимъ онъ привыкъ смотрѣть на монашество, и если его не встрѣчали здѣсь словами пріиди и виждь, то потому, что такой зазывъ былъ противенъ Сергіевой дисциплинѣ. Міръ смотрѣлъ на чинъ жизни въ монастырѣ Преподобнаго Сергія, и то, что онъ видѣлъ, быть и обстановка пустыннаго братства поучали его самымъ простымъ правиламъ, которыми крѣпко людское христіанское общежитіе. Въ монастырѣ все было бѣдно и скудно, или, какъ выразился разочарованно одинъ мужичекъ, пришедшій въ обитель Преподобнаго Сергія повидать прославленнаго, величественнаго игумена, „все худостно, все нищетно, все сиротинско“; въ самой оградѣ монастыря первобытный лѣсъ шумѣлъ надъ кельями и осенью обсыпалъ ихъ кровли палыми листьями и иглами; вокругъ церкви торчали свѣжіе пни и валялись неубранные стволы срубленныхъ деревьевъ; въ деревянной церковкѣ за недостаткомъ свѣчъ пахло лучиной; въ обиходѣ братіи столько же недостатковъ, сколько запласть на сермяжной ряскѣ игумена; чего не хватись, всего нѣтъ,

по выраженію жизнеописателя; случалось, вся братія по цѣлымъ днямъ сидѣла чуть не безъ куска хлѣба. Но всѣ дружны между собою и привѣтливы къ пришельцамъ, во всемъ слѣды порядка и размышленія, каждый дѣлаетъ свое дѣло, каждый работаетъ съ молитвой и всѣ молятся послѣ работы; во всѣхъ чуялся скрытый огонь, который безъ искръ и вспышекъ обнаруживался живительной теплотой, обдававшей всякаго, кто вступалъ въ эту атмосферу труда, мысли и молитвы. Міръ видѣлъ все это и уходилъ ободренный и освѣженный, подобно тому, какъ мутная волна, прибывая къ прибрежной скалѣ, отлагаетъ отъ себя примѣсь, захваченную въ неопрятномъ мѣстѣ, и бѣжитъ далѣе свѣтлой и прозрачной струей. Надобно припомнить людей XIV вѣка, ихъ бытъ и обстановку, запасъ ихъ умственныхъ и нравственныхъ средствъ, чтобы понять впечатлѣніе этого зрѣлища на набожныхъ наблюдателей. Намъ, страдающимъ избыткомъ нравственныхъ возбужденій и недостаткомъ нравственной воспріимчивости, трудно уже воспроизвести слагавшееся изъ этихъ наблюденій настроеніе нравственной сосредоточенности и общественнаго братства, какое разносили по своимъ угламъ изъ этой пустыни побывавшіе въ ней люди XIV вѣка. Такихъ людей была капля въ морѣ православнаго русскаго населенія. Но вѣдь и въ тѣсто немного нужно вещества, вызывающаго въ немъ живительное броженіе. Нравственное вліяніе дѣйствуетъ не механически, а органически. На это указалъ Самъ Христось, сказавъ: Царство Божіе подобно закваскѣ. Украдкой западая въ массы, это вліяніе вызывало броженіе и незамѣтно измѣняло направленіе умовъ, перестраивало весь

нравственный строй души русскаго чловѣка XIV в. Отъ вѣковыхъ бѣдствій этотъ чловѣкъ такъ оскудѣлъ нравственно, что не могъ не замѣчать въ своей жизни недостатка этихъ первыхъ основъ христіанскаго общезжитія, но еще не настолько очерствѣлъ отъ этой скудности, чтобы не чувствовать потребности въ нихъ.

Пробужденіе этой потребности и было началомъ нравственнаго, а потомъ и политическаго возрожденія Русскаго народа. Пятьдесятъ лѣтъ дѣлалъ свое тихое дѣло Преподобный Сергій въ Радонежской пустынѣ; цѣлые полвѣка приходившіе къ нему люди вмѣстѣ съ водой изъ его источника черпали въ его пустынь утѣшеніе и ободреніе, и, воротясь въ свой кругъ, по каплямъ дѣлились имъ съ другими. Никто тогда не считалъ гостей пустытника и тѣхъ, кого они дѣлали причастниками приносимой имъ благодатной росы,—никто не думалъ считать этого, какъ чловѣкъ, пробуждающійся съ ощущеніемъ здоровья, не думаетъ о своемъ пульсѣ. Но къ концу жизни Сергія едва ли вырывался изъ какой-либо православной груди на Руси скорбный вздохъ, который бы не облегчался молитвеннымъ призывомъ имени св. старца. Этими каплями нравственнаго вліянія вырощены были два факта, которые легли среди другихъ основъ нашего государственнаго и общественнаго зданія и которые оба связаны съ именемъ Преподобнаго Сергія. Одинъ изъ этихъ фактовъ—великое событіе, совершившееся при жизни Сергія, а другой—цѣлый сложный и продолжительный историческій процессъ, только начавшійся при его жизни.

Событіе состояло въ томъ, что народъ, привыкшій дрожать при одномъ имени татарина, собрался

наконецъ съ духомъ, всталъ на поработителей и не только нашелъ въ себѣ мужество встать, но и пошелъ искать татарскія полчища въ открытой степи и тамъ повалился на враговъ несокрушимой стѣной, похоронивъ ихъ подъ своими многотысячными костями. Какъ могло это случиться? Откуда взялись, какъ воспитались люди, отважившіеся на такое дѣло, о которомъ боялись и подумать ихъ дѣды? Глазъ историческаго знанія уже не въ состояніи разглядѣть хода этой подготовки великихъ бойцовъ 1380 года; знаемъ только, что Преподобный Сергій благословилъ на этотъ подвигъ главнаго вождя русскаго ополченія, сказавъ: „иди на безбожниковъ смѣло, безъ колебанія, и побѣдишь“—и этотъ молодой вождь былъ чловѣкъ поколѣнія, возмужавшаго на глазахъ Преподобнаго Сергія и вмѣстѣ съ княземъ Дмитріемъ Донскимъ бившагося на Куликовомъ полѣ.

Чувство нравственной бодрости, духовной крѣпости, которое Преп. Сергій вдохнулъ въ русское общество, еще живѣе и полнѣе воспринималось русскимъ монашествомъ. Въ жизни русскихъ монастырей со времени Сергія начался замѣчательный переломъ: замѣтно оживилось стремленіе къ иночеству. Въ бѣдственный первый вѣкъ ига это стремленіе было очень слабо: въ сто лѣтъ 1240—1340 г. г. возникло всего какихъ-нибудь десятка три новыхъ монастырей. Зато въ слѣдующее столѣтіе 1340—1440 г. г., когда Русь начала отдыхать отъ внѣшнихъ бѣдствій и приходитъ въ себя, изъ куликовскаго поколѣнія и его ближайшихъ потомковъ вышли основатели до 150 новыхъ монастырей. Такимъ образомъ древнерусское монашество было точнымъ показателемъ нравствен-

наго состоянія всего мірскаго общества: стремленіе покидать міръ усиливалось не оттого, что въ міру скоплялись бѣдствія, а по мѣрѣ того, какъ въ немъ возвышались нравственныя силы. Это значитъ, что русское монашество было отреченіемъ отъ міра во имя идеаловъ, ему непосильныхъ, а не отрицаніемъ міра во имя началъ, ему враждебныхъ. Впрочемъ, историческіе факты здѣсь говорятъ не болѣе того, что подсказываетъ самая идея православнаго иночества. Эта связь русскаго монастыря съ міромъ обнаружилась и въ другомъ признакѣ перелома, въ перемѣнѣ самаго направленія монастырской жизни со времени Преп. Сергія. До половины XIV в. почти всѣ монастыри на Руси возникали въ городахъ или подъ ихъ стѣнами; съ этого времени рѣшительный численный перевѣсъ получаютъ монастыри, возникавшіе вдали отъ городовъ, въ лѣсной глухой пустынѣ, ждавшей топора и сохи. Такъ къ основной цѣли монашества, въ борьбѣ съ недостатками духовной природы человѣка, присоединилась новая борьба съ неудобствами внѣшней природы: лучше сказать, эта вторая цѣль стала новымъ средствомъ достиженія первой.

Преподобный Сергій съ своею обителью и своими учениками былъ образцомъ и начинателемъ въ этомъ оживленіи монастырской жизни, „начальникомъ и учителемъ всѣмъ монастыремъ, иже въ Руси“, какъ называетъ его лѣтописецъ. Колоніи Сергіевской обители, монастыри, основанные учениками Преподобнаго или учениками его учениковъ, считались десятками, составляли почти четвертую часть всего числа новыхъ монастырей во второмъ вѣкѣ татарскаго ига, и почти всѣ эти колоніи были пустынные монастыри подобно

своей митрополіи. Но, убѣгая отъ соблазновъ міра, основатели этихъ монастырей служили его насущнымъ нуждамъ. До половины XIV в. масса русскаго населенія, сбита врагами въ междурѣчье Оки и верхней Волги, робко жалась здѣсь по немногимъ расчищеннымъ среди лѣса и болотъ полосамъ удобной земли. Татары и Литва запирали выходъ изъ этого треугольника, на западъ, югъ и юго-востокъ. Оставался открытымъ путь на сѣверъ и сѣверо-востокъ за Волгу; но то былъ глухой непроходимый край, кое-гдѣ занятый дикарями финнами; русскому крестьянину съ семьей и бѣдными пожитками страшно было пуститься въ эти бездорожныя дебри. „Много было тогда некрещенныхъ людей за Волгой“, т. е. мало крещенныхъ, говоритъ старая лѣтопись одного заволжскаго монастыря о временахъ до Сергія. Монахъ пустыльникъ и пошелъ туда смѣлымъ развѣдчикомъ. Огромное большинство новыхъ монастырей съ половины XIV до конца XV в. возникло среди лѣсовъ костромскаго, ярославскаго и вологодскаго заволжья: этотъ волжско-двинскій водораздѣлъ сталъ сѣверной Фиваидой православнаго Востока. Старинные памятники исторіи Русской Церкви рассказываютъ, сколько силы духа проявлено было русскимъ монашествомъ въ этомъ мирномъ завоеваніи финскаго языческаго Заволжья для христіанской Церкви и русской народности. Многочисленные лѣсные монастыри становились здѣсь опорными пунктами крестьянской колонизаціи: монастырь служилъ для переселенца-хлѣбопашца и хозяйственнымъ руководителемъ, и ссудной кассой, и приходской церковью, и наконецъ приютомъ подъ старость. Вокругъ монастырей осѣдало бродячее населеніе, какъ корнями деревь-

евъ сцѣпляется зыбучая песчаная почва. Ради спасенія души монахъ бѣжалъ изъ міра въ заволжскій лѣсъ, а мірянинъ цѣплялся за него и съ его помощью заводилъ въ этомъ лѣсу новый русскій міръ. Такъ создавалась верхне-волжская Великороссія дружными усилиями монаха и крестьянина, воспитанныхъ духомъ, какой вдохнулъ въ русское общество Преподобный Сергій.

Напутствуемые благословеніемъ старца, шли борцы, одни на югъ за Оку на татаръ, другіе на сѣверъ за Волгу на борьбу съ лѣсомъ и болотомъ.

Время давно свѣяло эти дѣла съ народной памяти, какъ оно уже глубоко заметало вѣковой пылью кости куликовскихъ бойцовъ. Но память святого пустынножителя доселѣ царить въ народномъ сознаніи, какъ гробъ съ его нетлѣющими останками невинно и стойко на поверхности земли. Чѣмъ дорога народу эта память, что она говоритъ ему, его уму и сердцу? Современнымъ, засохшимъ въ абстракціяхъ и схемахъ, языкомъ трудно изобразить живыя, глубоко сокрытыя движенія вѣрующей народной души. Въ эту душу глубоко запало какое-то сильное и свѣтлое впечатлѣніе, произведенное когда-то однимъ человекомъ и произведенное неуловимыми, безшумными, нравственными средствами, про которыя не знаешь, и что рассказать, какъ не находишь словъ для передачи иного свѣтлаго и ободряющаго, хотя молчаливаго взгляда. Виновникъ впечатлѣнія давно ушелъ, исчезла и обстановка его дѣятельности, оставивъ скудные остатки въ монастырской ризницѣ да источникъ, изведенный его молитвою, а впечатлѣніе все живетъ, переливаясь свѣжей струей изъ поколѣнія въ поколѣніе, и ни народныя бѣдствія,

ни нравственные переломы въ обществѣ доселѣ не могли сгладить его. Первое смутное ощущеніе нравственнаго мужества, первый проблескъ духовнаго пробужденія — вотъ въ чемъ состояло это впечатлѣніе. Примѣромъ своей жизни, высотой своего духа Преподобный Сергій поднималъ упавшій духъ родного народа, пробудилъ въ немъ довѣріе къ себѣ, къ своимъ силамъ, вдохнулъ вѣру въ свое будущее. Онъ вышелъ изъ насъ, былъ плоть отъ плоти нашей и кость отъ костей нашихъ, а поднялся на такую высоту, о которой мы и не чаяли, чтобы она кому-нибудь изъ нашихъ была доступна. Такъ думали тогда всѣ на Руси, и это мнѣніе раздѣлялъ православный Востокъ, подобно тому царградскому епископу, который, по разсказу Сергіева жизнеописателя, пріѣхавъ въ Москву и слыша всюду толки о великомъ русскомъ подвижникѣ, съ удивленіемъ восклицалъ: „како можетъ въ сихъ странахъ таковъ свѣтильникъ явиться?“ Преподобный Сергій своей жизнью, самой возможностью такой жизни далъ почувствовать заскорбѣвшему народу, что въ немъ еще не все доброе погасло и замерло; своимъ появленіемъ среди соотечественниковъ, сидѣвшихъ во тьмѣ и сѣни смертнѣй, онъ открылъ имъ глаза на самихъ себя, помогъ имъ заглянуть въ свой собственный внутренній мракъ и разглядѣть тамъ еще тлѣвшія искры того же огня, которымъ горѣлъ озарившій ихъ свѣточъ. Русскіе люди XIV в. признали это дѣйствіе чудомъ, потому что оживить и привести въ движеніе нравственное чувство народа, поднять его духъ выше его привычнаго уровня—такое проявленіе духовнаго вліянія всегда признавалось чудеснымъ, творческимъ актомъ; таково оно и есть по

своему существу и происхожденію, потому что его источникъ—вѣра. Человѣкъ, разъ вдохнувшій въ общество такую вѣру, давшій ему живо ощутить въ себѣ присутствіе нравственныхъ силъ, которыхъ оно въ себѣ не чаяло, становится для него носителемъ чудодѣйственной искры, способной зажечь и вызвать къ дѣйствию эти силы всегда, когда онѣ понадобятся, когда окажутся недостаточными наличныя обиходныя средства народной жизни. Впечатлѣніе людей XIV в. становилось вѣрованіемъ поколѣній, за ними слѣдовавшихъ. Отцы передавали воспринятое ими одушевление дѣтямъ, а они возводили его къ тому же источнику, изъ котораго впервые почерпнули его современники. Такъ духовное вліяніе Преподобнаго Сергія пережило его земное бытіе и перелилось въ его имя, которое изъ историческаго воспоминанія сдѣлалось вѣчно дѣятельнымъ нравственнымъ двигателемъ, и вошло въ составъ духовнаго богатства народа. Это имя сохранило силу непосредственнаго личнаго впечатлѣнія, какое производилъ Преподобный на современниковъ; эта сила длилась и тогда, когда стало тускнѣть историческое воспоминаніе, замѣняясь церковной памятью, которая превращала это впечатлѣніе въ привычное, поднимающее духъ, настроеніе. Такъ теплота ощущается долго послѣ того, какъ погаснетъ ея источникъ. Этимъ настроеніемъ народъ жилъ цѣлые вѣка; оно помогало ему устроить свою внутреннюю жизнь, сплотить и упрочить государственный порядокъ. При имени Преподобнаго Сергія народъ воспоминаетъ свое нравственное возрожденіе, сдѣлавшее возможнымъ и возрожденіе политическое; и затверждаетъ правило, что политическая крѣпость прочна только тогда,

когда держится на силѣ нравственной. Это возрожденіе и это правило—самые драгоцѣнныя вклады Преподобнаго Сергія, не архивныя или теоретическія, а положенныя въ живую душу народа, въ его нравственное содержаніе. Нравственное богатство народа наглядно исчисляется памятниками дѣяній на общее благо, памятями дѣятелей, внесшихъ наибольшее количество добра въ свое общество. Съ этими памятниками и памятями срастается нравственное чувство народа; они—его питательная почва; въ нихъ его корни; оторвите его отъ нихъ—оно завянетъ, какъ скошенная трава. Они питаютъ не народное самомнѣніе, а мысль объ отвѣтственности потомковъ передъ великими предками, ибо нравственное чувство есть чувство долга. Творя память Преподобнаго Сергія, мы провѣряемъ самихъ себя, пересматриваемъ свой нравственный запасъ, завѣщанный намъ великими строителями нашего нравственнаго порядка, обновляемъ его, пополняя произведенныя въ немъ траты. Ворота Лавры Преподобнаго Сергія затворятся и лампы погаснутъ надъ его гробницею только тогда, когда мы растратимъ этотъ запасъ безъ остатка, не пополняя его.

ИЗЪ СЛОВА

академика Н. К. Рериха

на освященіе часовни Св. Преподобнаго СЕРГІЯ,
сооруженной Сибирскимъ Отдѣломъ Общества Друзей
Музея Рериха, въ Радонегѣ, Чураевка, шт. Коннектикутъ.

Святой Сергій — Строитель Русской Духовной
Культуры.

Каждое упоминаніе этого священнаго имени повелительно зоветъ всѣхъ насъ къ непрестанному свѣтлому труду, къ самоотверженному созиданію и дѣлаетъ изъ Святого Сергія, поистинѣ, Преподобнаго для всѣхъ вѣковъ и народовъ. Повторяю, для всѣхъ вѣковъ и народовъ, ибо культура духа стоитъ надъ всѣми границами. И нѣтъ такой религіи, и нѣтъ такого ученія, носитель котораго не преклонился бы передъ образомъ Преподобнаго, когда вы расскажете ему о трудахъ Его.

Оригенъ заповѣдалъ: „Глазами сердца смотри“. Не есть ли это также и заповѣдь Самого Преподобнаго, который въ пламенной Чашѣ вознесъ заповѣдь состраданія и любви.

Преподобный Исаакъ Сиринъ сказалъ: „Когда мы въ покоѣ — демоны веселятся, а когда въ трудахъ — Ангелы радуются“. Этими со-ангельскими трудами

положилъ Преп. Сергій краугольный, нестираемый камень русской духовной культуры, внеся его въ сокровищницу мірового почитанія...

Случайно ли, что на всѣхъ путяхъ сужденныхъ вырастаютъ священныя знамена Преподобнаго? Дивно и чудно видѣть, какъ даже въ наше смятенное, отягощенное мракомъ, время, всюду возносятся свѣточи храмовъ и часовень во Имя Преподобнаго. Въ Парижѣ Сергіева Обитель, въ Лондонѣ Сергіева группа учащихся. Въ Южной Америкѣ Имя Святого Сергія. Подъ Нью-Йоркомъ мы имѣемъ радость освятить часовню Св. Сергія. Въ Нью-Йоркѣ, въ домѣ Музея, комната-часовня Преподобнаго. По Азій раскинуты зачатки часовень и храмовъ во Имя этого непобѣдимаго Водителя ко Благу. Огромное количество книгъ, статей и листовъ посвящены Преподобному. Всюду благовѣститъ это непобѣдимое Имя.

Больше того, когда вамъ приходится встрѣчать людей близкихъ въ духѣ, рано или поздно, но безошибочно вы узнаете отъ нихъ, что у кого въ сердцѣ, у кого и въ образѣ, носится это священное Имя, такъ объединяющее, такъ зовущее отъ дня вчерашняго перейти къ свѣтлому завтра.

Обратите вниманіе. Преподобный въ жизни своей не терялся въ исканіи, но устремленно восходилъ и строилъ. Можно сказать, что далеко за предѣлами Богоискателя, онъ былъ Богоносцемъ...

Преподобный приобщался отъ пламенной Чаши. Преподобному сослужилъ Пламенный. Въ этой благодатной пламенности, въ этомъ благомъ огнѣ творящемъ, дошелъ до насъ обликъ Святого Сергія. И пламенны были видѣнія Ему Владычицы!

Познающій Пламень Сердца, навсегда связанъ съ Обликомъ Преподобнаго. Это великое познаніе, рѣдко сходящая благодать, навсегда соединила Имя Преподобнаго съ представленіемъ о всезнаніи. „Преподобный знаетъ“, такъ запомнилъ народъ. „Преподобный знаетъ, когда спасти“, — „Преподобный знаетъ, когда явиться“, — „Преподобный знаетъ, когда помочь“, — „Преподобный знаетъ, чье сердце доступно благодати“, — „Преподобный знаетъ, гдѣ нѣтъ невѣрія и предательства“, — „Преподобный знаетъ, гдѣ искренній даръ“.

Во всѣхъ встрѣчахъ о имени Преподобнаго приходимъ къ тому же понятію о непреложности знанія Его, о мудрости подвига Его. Въ этомъ схожденіи на понятіи знанія, культуры, мы найдемъ спасеніе общее. Чѣмъ же иначе замѣнимъ мы разрушительное отрицаніе, невѣріе, легкомысліе, предательство вольное и невольное!

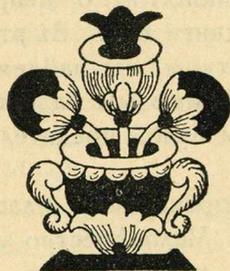
Въ осознаніи прекрасной благодати только и мыслимо схожденіе. Человѣчество устало отъ разрушеній и смятеній, выдувающихъ пламень сердца. Чудесно является передъ нами великое Имя Водителя, съ которымъ неразрывно связано и знаніе и строительство, состраданіе и неутомимая твердость. Да поможетъ намъ Преподобный стать посильными пособниками Ему въ Его неутомимыхъ великихъ трудахъ, и зримыхъ и незримыхъ, и сказанныхъ и несказанныхъ! Несказанныхъ, во всей своей невыразимости условнымъ языкомъ человѣческимъ, но, по счастью, кромѣ языка словеснаго, человѣчеству данъ и языкъ сердца.

Въ этомъ языкѣ пламенномъ, въ огнѣ сердца, сойдемся мы и, забывъ темноту дня вчерашняго, устремимся совмѣстно къ Свѣту.

Свѣтъ одинъ, такъ же какъ и тьма одна, и при
внесеніи Свѣта, тьма разсѣивается.

Да поможетъ намъ Преподобный приобщиться къ
великому единому Свѣту.

1931 г.

Картина акад. Н. Рериха

(Музей Рериха въ Нью-Йоркѣ)

Св. Сергій Строитель

**Преподобный
Сергий Радонежскій**

Очеркъ Н. Яровской

”**П**рости мнѣ, великая Лавра Сергіева, если мысль моя съ особеннымъ желаніемъ устремляется въ древнюю пустыню Сергіеву. Чту и въ красующихся нынѣ храмахъ твоихъ дѣла Святыхъ, обиталища Святыни, свидѣтелей праотческаго благочестія; люблю чинъ твоихъ Богослуженій, и нынѣ съ непосредственнымъ благословеніемъ Преподобнаго Сергія совершаемыхъ; съ уваженіемъзираю на твои столпо-стѣны, непоколебавшіяся и тогда, когда поколебалась было Россія; знаю, что и Лавра Сергіева и пустыня Сергіева есть одна и та же, и тѣмъ же богата сокровищемъ, то-есть Божіею Благодатію, которая обитала въ Преподобномъ Сергіи, въ его пустынѣ, и еще обитаетъ въ Немъ и въ Его мощахъ, въ Его Лаврѣ; но при всемъ томъ желалъ бы и узрѣть пустыню, которая обрѣла и стяжала сокровище, наслѣдованное потомъ Лаврою.

Кто покажетъ мнѣ малый деревянный храмъ, на которомъ въ первый разъ наречено здѣсь имя Пресвятыя Троицы? Вошелъ бы я въ него на всеобщее бдѣніе, когда въ немъ съ трескомъ и дымомъ горящая лучина свѣтитъ чтенію и пѣнію, но сердца молящихся

горятъ тише и яснѣе свѣчи, и пламень ихъ достигаетъ до неба, и Ангелы ихъ восходятъ и нисходятъ въ пламени ихъ жертвы духовной.

Отворите мнѣ дверь тѣсной келіи, чтобы я могъ вздохнуть ея воздухомъ, который трепеталъ отъ гласа молитвъ и воздыханій Преподобнаго Сергія, который орошенъ дождемъ слезъ его, въ которомъ впечатлѣно столько глаголовъ духовныхъ, пророчесственныхъ, чудодѣйственныхъ.

Дайте мнѣ облобызать прагъ ея сѣней, который истертъ ногами Святыхъ, и черезъ который однажды переступили стопы Царицы Небесной... Вѣдь это все здѣсь: только закрыто временемъ, или заключено въ сихъ величественныхъ зданіяхъ, какъ высокой цѣны сокровище въ великолѣпномъ ковчегѣ... Таковы слова, произнесенныя Митрополитомъ Московскимъ Филаретомъ, бывшимъ сорокъ лѣтъ настоятелемъ Сергіевой Лавры.

Да, „это все здѣсь“ и Преподобный Сергій неотступно бодрствуетъ надъ своею Обителью и надъ любимую имъ Россіюю.

По древнему преданію, главнымъ образомъ, изъ сообщеній Епифанія, ученика Преподобнаго Сергія, перваго его жизнеописателя, мы знаемъ, что Великій Свѣтильникъ Земли Русской родился въ 1314 году въ семьѣ именитыхъ бояръ Ростовскихъ Кирилла и Маріи, и былъ нареченъ во св. крещеніи Варфоломеемъ. Вотчина родителей Сергія находилась въ четырехъ верстахъ

отъ Ростова Великаго, по дорогѣ въ Ярославль. Несмотря на то, что родители его были „бояре знатные“ и Кирилль, отецъ его, былъ любимымъ бояриномъ князей Ростовскихъ и часто сопровождалъ ихъ въ ихъ путешествія въ Орду, жили они просто, люди были тихіе и глубоко религіозные. Тотъ же жизнеописатель подчеркиваетъ, что они были особенно „страннолюбивы“, помогали и охотно принимали у себя странниковъ. И несомнѣнно, эти-то странники, часто являющіеся выразителями начала ищущаго, и особенно ихъ зазывные рассказы, столь противорѣчащіе обыденности, глубоко западали въ душу впечатлительнаго отрока Варфоломея и отъ раннихъ лѣтъ намѣтили его судьбу.

Семи лѣтъ Варфоломей, вмѣстѣ съ братьями, старшимъ Стефаномъ и младшимъ Петромъ, былъ отданъ учиться грамотѣ въ церковную школу, но грамота плохо давалась ему. Учитель наказывалъ его, родители огорчались и усовѣщали, самъ же онъ со слезами молился, но дѣло впередъ не двигалось, хотя онъ напрягалъ всѣ силы къ уразумѣнію ученія. И вотъ случилось чудо, о которомъ говорятъ всѣ жизнеописанія Преподобнаго.

Однажды отецъ послалъ Варфоломея разыскать коней въ полѣ. Мальчикъ, во время поисковъ своихъ, вышелъ на поляну и увидѣлъ подъ дубомъ „старца-схимника, погруженнаго какъ бы въ молитвенное созерцаніе“. Варфоломей приблизился и молча сталъ въ ожиданіи, когда старецъ замѣтитъ его. И вотъ старецъ обратился ласково къ отроку, спросивъ: „что тебѣ надо, чадо, отъ меня?“ и Варфоломей, земно поклонившись, съ глубокимъ душевнымъ волненіемъ,

сквозь слезы, повѣдалъ ему свое горе и просилъ старца молиться, чтобы Богъ помогъ ему одолѣть грамоту. И подѣ тѣмъ же дубомъ старецъ сталъ на молитву и рядомъ съ нимъ Варфоломей. Окончивъ, чудный старецъ вынулъ изъ-за пазухи ковчежецъ и взялъ изъ него частицу просфоры, благословилъ и велѣлъ ему съѣсть, сказавъ: „сіе дается тебѣ въ знаменіе Благодати Божьей и уразумѣнія Святого Писанія, не скорби болѣе, чадо мое, о грамотѣ, ибо отнынѣ дастъ тебѣ Господь разумъ въ ученіи“. Сказавъ это, старецъ хотѣлъ удалиться, но благодарный Варфоломей молилъ его посѣтить домъ его родителей. Съ честью приняли странника благочестивые Кириллъ и Марія. За трапезой родители Варфоломея рассказали многія знаменія, сопровождавшія рожденіе сына ихъ, и старецъ пояснилъ имъ, что сыну ихъ „надлежитъ сдѣлаться обителемъ Пресвятой Троицы, дабы многихъ привести вслѣдъ себѣ къ уразумѣнію Божественныхъ Заповѣдей“. Послѣ этихъ пророческихъ словъ чудный старецъ удался.

Съ этого времени въ Варфоломеѣ какъ бы произошло предчувствіе предстоящаго ему подвига, и онъ всею душою пристрастился къ богослуженію и изученію священныхъ книгъ. Оставивъ сверстниковъ съ ихъ развлеченіями, онъ весь ушелъ въ свой нарождавшійся духовный міръ.

Разказы странниковъ, чтенія житія Святыхъ, примѣру которыхъ уже отъ раннихъ лѣтъ пытался онъ подражать, ибо, по словамъ жизнеописателя, онъ соблюдалъ не только умѣренность во всемъ, но даже подвергалъ себя всякаго рода лишеніямъ, чѣмъ починалъ не мало заботъ и опасеній своимъ родителямъ;

все это слагало характеръ будущаго великаго Подвижника и Воспитателя народнаго духа.

Итакъ, за годы отрочества и ранней юности въ немъ неуклонно накоплялось стремленіе и назрѣло рѣшеніе уйти изъ міра, въ міръ Высшій, міръ общенія съ Силами Свѣтлыми. Уже къ порогу юности ясно намѣтился въ немъ будущій отшельникъ и инокъ. Не потому ли, что живая связь съ Силами Высшими отъ младенчества пребывала въ сердцѣ его? Откуда знаменія? Откуда Старецъ дивный? Возможно, что и сама жизнь того времени, со всѣми ея насиліями, жестокостью лишь укрѣпляла его мысли на уходѣ, на подвигѣ. Возможно, что не просто мысли о спасеніи своей души поглощали его. Возможно, что тайный голосъ устремлялъ его на подвигъ поднятія духа народа и спасеніе Земли Русской? Вѣдь не могъ онъ забыть пророчества чуднаго Старца!

Около 1330 г. отецъ его потерялъ почти все свое состояніе въ силу многихъ причинъ, но главнымъ образомъ отъ очереднаго страшнаго набѣга татарской рати, истребившей почти весь Ростовъ огнемъ и мечемъ; объ этомъ набѣгѣ упоминаетъ и Епифаній. Кромѣ того, по причисленію Ростовскаго княжества къ Московскому, воеводы великокняжескіе, во время своихъ объѣздовъ за сборомъ пошлинъ въ полураззоренный Ростовъ, отличались крайней алчностью и жестокостью. Будучи раззоренъ до крайности, Кириллъ рѣшилъ покинуть родной городъ, и со всею семьей перешелъ въ Радонежъ (въ 12-ти верстахъ отъ нынѣшней Лавры), удѣлъ, оставленный Иваномъ Калитою сыну своему Андрею. Въ то время владѣльцы, желая заселить дикій и лѣсистый край, старались привлечь

къ себѣ населеніе другихъ областей и давали приходившимъ большія льготы, такъ поступалъ и Андрей. Кириллъ получилъ въ Радонежѣ помѣстье, самъ служить уже не могъ по старости, его замѣщаль сынъ Стефанъ, женившійся еще въ Ростовѣ; женился и младшій сынъ Кирилла Петръ, одинъ Варфоломей продолжалъ прежнюю жизнь, жизнь инока въ міру. И, несмотря на свое все возрастающее стремленіе къ отшельничеству, къ суровому подвигу, онъ уступилъ просьбѣ родителей и остался съ ними „покоить ихъ старость“. Епифаній особенно подчеркиваетъ его отношеніе къ родителямъ, указывая, что онъ оставался сыномъ послушнымъ, и факты жизни подтверждаютъ это. Онъ твердо и неуклонно шелъ намѣченнымъ путемъ и при всѣхъ обстоятельствахъ оставался вѣрнымъ себѣ, но былъ чуждъ всякому насилію; эта черта сказывалась въ немъ особенно ярко отъ ранней юности и она же помогла ему вмѣстить и послушаніе волѣ родительской.

Но Силы Высшія, бодрствовавшія надъ избранникомъ своимъ, просто и безъ насилія привели его къ назначенному. Родители не долго задержали юнаго подвижника. Скоро сами удалились въ Хотьковскій Монастырь, и очень скоро тамъ умерли, какъ разъ ко времени, когда Варфоломей вышелъ изъ юношества, и окрѣпшій организмъ его могъ уже выдержать суровости пустыннаго житія. Варфоломей могъ осуществить завѣтное желаніе свое.

Оставивъ имущество брату своему Петру, отправился онъ къ брату Стефану, который къ этому времени овдовѣлъ и тоже принялъ монашество, и убѣдилъ его вмѣстѣ отправиться на трудный подвигъ, на

„взысканіе мѣста пустыннаго“; этимъ было имъ положено начало новаго, необычнаго подвига.

Братья выбрали возвышенное мѣсто въ дремучемъ лѣсу, носившее названіе „Маковецъ“, находившееся въ 30-ти верстахъ отъ Радонежа, недалеко отъ рѣчки Кончуры. Здѣсь въ послѣдствіи возникъ славный Троицкій Монастырь. Мѣсто это поражало своей красотой и, какъ лѣтопись утверждаетъ: „глаголетъ же древній, видяху на томъ мѣстѣ прежде свѣтъ, а иніи огонь, а иніи благоуханіе слышаху“. Тутъ братья поселились и поставили два сруба, одинъ для церкви, другой для жилья. Митрополитъ Феогностъ, къ которому они отправились, пѣшкомъ, въ Москву, благословилъ ихъ и послалъ священника освятить церковь. Церковь освятили во имя Святой и Живоначальной Троицы. Такъ было положено начало выполненію пророчества таинственнаго Схимника.

Но Стефанъ не долго выдержалъ тяготу пустыннаго житія и ушелъ въ Московскій Богоявленскій монастырь. Варфоломей остался одинъ. Вначалѣ изрѣдка заходилъ для совершенія богослуженія старецъ Митрофанъ, который затѣмъ и постригъ его въ иноческій чинъ съ именемъ Сергія.

Затѣмъ начались дни, мѣсяцы и годы полного одиночества, погруженія въ жуткое безмолвіе пустыни, и кто можетъ сказать всѣ боренія и всѣ возвышенія духа его? Кто перечтетъ всѣ испытанія страхомъ, пустынною жутью, голодомъ, подчасъ и уныніемъ и, главнымъ образомъ, борьбу съ невидимыми темными силами? Эта борьба съ темными силами отмѣчена во всѣхъ ученіяхъ подъ разными наименованіями, и ни одинъ, изъ вступившихъ на путь духовнаго совершен-

ствования, не можетъ избѣжать ее. И, конечно, чело-
вѣкъ восходящій чувствуетъ гораздо глубже этотъ
натискъ. Онъ долженъ единою мощью духа отражать
натискъ темныхъ силъ, сильныхъ уловками своими.
Борьба эта является какъ бы преддверіемъ приближенія
къ Міру Огненному. Всѣ подвижники прошли черезъ
ступени этой борьбы. Приступая къ подвижничеству
духовному, никто не можетъ пребывать въ непрестан-
номъ горѣніи и постоянномъ восхищеніи духа, ибо не
выдержала бы плоть его, особенно же въ первые
годы, потому за высокимъ подъемомъ неминуемо слѣ-
дуетъ уныніе и даже острая тоска. Но на паденія эти
нужно смотрѣть, какъ на самозащиту и подготовленіе
къ слѣдующему, еще большому возношенію. Лишь
при неуклонномъ стремленіи, при строжайшей дисци-
плинѣ духа, съ годами устанавливается внутреннее
равновѣсіе, и каждый подвижникъ находитъ свою
мѣру постоянного горѣнія, иначе говоря, устанавли-
вается непрестанный токъ общенія съ Силами Высшими.

Къ этой борьбѣ съ темными искушеніями, къ
этому закалу, необходимому для Высшаго Общенія
въ полной мѣрѣ приобщился и Сергій. Даже такимъ
избраннымъ приходится обуздывать свою природу въ
борьбѣ съ темными силами, которыя тѣмъ сильнѣе
нападаютъ, чѣмъ ярче горитъ въ подвижникѣ сила,
противоположная имъ. Несомнѣнно это было труд-
нѣйшее время, требовавшее громаднаго напряженія
духовныхъ и тѣлесныхъ силъ. Онъ не имѣлъ учителя
въ своей духовной жизни. Іерей Митрофанъ, постригшій
его, врядъ ли могъ ознакомить его, съ чуждымъ ему
самому, подвигомъ. Возможно, что до нѣкоторой
степени онъ руководствовался „Наставленіемъ Пустын-

никамъ“, составленнымъ св. Василиемъ, но вѣрнѣе пред-
положить, что онъ самъ находилъ свой путь, и
мужественно и безтрепетно отражалъ всѣ нападе-
нія, всѣ страшныя видѣнія единою мощью молитвы
сердца.

„Представимъ себѣ“, пишетъ Роговичъ въ своемъ
очеркѣ „Сергій Радонежскій“, „обстановку такого
ночного одиночества въ глухую зимнюю пору; въ
малой келіи полутемно и отовсюду дуетъ пронизываю-
щимъ зимнимъ холодомъ, вѣтеръ свищетъ и стонетъ
въ трубѣ, и ударяетъ порывами въ окна и стѣны,
издали подвываютъ волки, подбирающіеся къ человѣ-
ческому жилью, а въ окна, изъ мрака ночи, словно
заглядываютъ какія-то искаженные, страшныя, злоб-
ныя лица; изъ воя вѣтра порою выдѣляются дикіе
раскаты хохота, угрожающіе голоса; кругомъ мракъ и
сознаніе полного одиночества, а молодой инокъ стоитъ
передъ святыми иконами въ напряженной молитвѣ,
тихое умиленіе души побѣждаетъ и страхъ, и уста-
лость, и ощущеніе холода. Послѣ короткаго сна
трудный рабочій день, и такъ однообразною вере-
ницею тянутся короткіе зимніе дни и безконечныя
ночи“.

Епифаній передаетъ, какъ Преподобный самъ
разсказывалъ своимъ ученикамъ о мучившихъ его
видѣніяхъ. Какъ однажды онъ въ „церквицѣ“ своей
стоялъ на всенощномъ бдѣніи, и вотъ раздался трескъ
и стѣна церковная разступилась и черезъ разсѣлину
вошелъ самъ сатана, а съ нимъ „полчище бѣсовское“,
въ остроконечныхъ шапкахъ, и съ угрозами какъ бы
устремилась на него. Они гнали, наступали на него
и грозили ему, но онъ молился и продолжалъ начатое

имъ бдѣніе, повторяя: „да воскреснетъ Богъ и да расточатся враги Его“. И бѣсы такъ же внезапно исчезли, какъ и появились.

Въ другой разъ, Сергій былъ въ келіи своей, и вотъ раздался сильный шумъ отъ несущихся силъ бѣсовскихъ, и наполнилась келья его змѣями, а полчища бѣсовскія окружили хижину его, и слышенъ былъ крикъ: „отыди, отыди скорѣе отъ мѣста сего! Что хочешь обрѣсти здѣсь... или не боишься умереть здѣсь отъ голода? вотъ и звѣри плотоядные рыщутъ вокругъ тебя, алчущіе растерзать тебя, бѣги немедленно!“ Но Сергій и на этотъ разъ остался твердъ и мужественно отражалъ ихъ молитвою. Внезапно проявившійся необычайный свѣтъ разсѣялъ полчища темныхъ.

Видимо, онъ болѣе всего подвергался искушенію „страхованіями“, другія искушенія чужды были его чистотѣ душевной. Но какъ мы видимъ, и съ этими „страхованіями“ онъ скоро совладалъ ясностью духа и великою вѣрою въ Силы Высшія, хранившія его, объ этомъ свидѣтельствуесть вскорѣ начавшійся появляться, вслѣдъ за натискомъ темныхъ, необычайный свѣтъ, который и разсѣивалъ полчища бѣсовскія.

Но и въ эту пору жуткихъ испытаній и закаленій духа были у Сергія и свѣтлыя явленія, не всѣ они были записаны, но сохранилось преданіе объ одномъ, весьма характерномъ и связанномъ уже съ Богоматерью. „Такъ, однажды Сергій хотѣлъ прочесть о житіи Богородицы, но порывъ вѣтра потушилъ лампаду. Тогда Сергій настолько воспылалъ духомъ, что книга просіяла Свѣтомъ Небеснымъ, и онъ могъ прочесть и безъ лампы“.

Совладалъ онъ и со страхомъ передъ дикими звѣрми. Такъ, по Никоновской Лѣтописи, у него былъ лѣсной другъ. Однажды Сергій увидѣлъ у порога келіи своей огромнаго медвѣдя, ослабѣвшаго отъ голода. Пожалѣлъ его и принесъ изъ келіи краюшку хлѣба. Мохнатый пришелецъ мирно съѣлъ, и потомъ часто сталъ навѣщать его. Сергій дѣлился съ нимъ скуднымъ запасомъ своимъ, и медвѣдь сталъ ручнымъ; такъ закалялся Духъ Преподобнаго къ предстоящему ему подвигу Воспитателя духа народнаго и Строителя Земли Русской. „Какія тайны подвиговъ скрыла непроходимая чаща сосноваго бора, вскарабкавшася по тому холму, на которомъ поселился чудный отшельникъ?“... вопрошаетъ въ своемъ очеркѣ В. Никаноровъ. „Сколько было невыразимой красоты въ этой жизни, все содержаніе которой можно объять однимъ словомъ „Богъ“... Ни одна живая душа не пробиралась еще въ таинственное уединеніе. Никого не было между пламенѣющимъ духомъ, рвавшимся къ Богу, и взирающимъ на славный подвигъ... Словно костеръ незагасимый зажегся тогда въ дремучемъ лѣсу, на этомъ мѣстѣ Сергіевомъ.“

Самая высшая изъ молитвъ—это непрестанное удивленіе Творцу больше всего наполняла душу Преподобнаго Сергія. Но была у него еще одна молитва.

„Богъ и родина“ — вотъ то, что двигало жизнью и судьбою Преподобнаго Сергія... и эта любовь дала ему возможность такъ совершенно, до конца, исполнить заповѣдь Господню о любви къ людямъ.

Повидимому, не долго пробылъ Сергій въ полномъ одиночествѣ, ибо тотъ же Епифаній повѣствуетъ: „пребывшу ему въ пустыни единому единствовавшу или

двѣ лѣтъ или болѣ, или меньше невѣдь, Богъ вѣсть.“ Слухи о его подвижническомъ житіи скоро разнеслись по окрестности, и стали навѣщать его люди, прося назиданія и совѣта во всѣхъ дѣлахъ своихъ; и никого не отпускалъ юный подвижникъ безъ утѣшенія, безъ слова ободренія и вразумленія.

Наконецъ, пришли къ нему и желавшіе подражать ему въ подвигѣ жизни и просили принять ихъ въ число учениковъ его. Сергій проникательно разбирался въ ихъ побужденіи и душевномъ складѣ. Никогда не отказывалъ искренно искавшимъ подвига, лишь предупреждалъ ихъ о трудности пустыннаго житія и о страхахъ, оборѣвавшихъ новичковъ; онъ говорилъ имъ: „Пріемлю васъ, но да будетъ извѣстно каждому изъ васъ, что если пришли работать Богу и хотите здѣсь со мною безмолвствовать, то уготовайте себѣ претерпѣть всякія бѣды и печали, и нужды и недостатки; ибо многими скорбями подобаеъ намъ внити въ Царствіе Небесное... Но не бойся же, мало стадо, я вѣрю, вѣруйте и вы, что Господь не предастъ васъ до конца искушенными быть противъ вашихъ силъ. Нынѣ печалью исполнены будемъ, а завтра печаль наша радостью будетъ и преизбудетъ, и никто не можетъ взять радости нашея. Дерзайте, дерзайте, люди Божіи!“ Замѣчательно, какъ часто мы встрѣчаемъ въ его словахъ, обращенныхъ къ ученикамъ и приходящимъ къ нему, слово радость. Она звучитъ и въ наставленіи къ труду, и въ молитвѣ, исполненной радости духа, и въ радости несенія подвига. Не этотъ ли призывъ къ радости, не эта ли радость, полагаемая имъ въ основаніе всякаго дѣйствія, и привлекала къ нему столько сердецъ и вполѣдствіи сдѣлала его Обитель

средоточіемъ духовной культуры, опорой и прибѣжищемъ во всѣ тяжкія минуты жизни Земли Русской?

На первыхъ порахъ пустынножителю не руководствовались никакими правилами или уставами, но имѣли передъ собою лишь живой примѣръ истиннаго подвижничества въ лицѣ своего основоположника. Когда собралось къ Сергію до двѣнадцати учениковъ и было построено двѣнадцать отдѣльныхъ келій, то вокругъ всего застроеннаго пространства поставили высокій деревянный тынъ съ вратами для безопасности отъ дикихъ звѣрей, и тихо потекла жизнь отшельниковъ въ новоустроенной обители.

Изъ первыхъ учениковъ Преподобнаго извѣстны— Сильвестръ (Обнорскій), Діонисій, Мефодій (Песношскій), Симеонъ Экклесіархъ и Исаакій Молчальникъ, Макарій, Андроникъ, Феодоръ, Михей и другіе. Какъ сказано, образцомъ всевозможнаго труженничества и подвиговъ для вновь прибывшихъ былъ самъ Преподобный. Самъ рубилъ келіи, таскалъ бревна, кололъ дрова, носилъ воду съ двумя водоносами для братіи, мололъ ручными жерновами, пекъ просфоры, варилъ квасъ, каталъ церковныя свѣчи, кроилъ и шилъ одежду, обувь, и работалъ на братію, по выраженію Епифанія, „какъ рабъ купленный.“ Лѣтомъ и зимою ходилъ въ той же одеждѣ, ни морозъ его не бралъ, ни зной, и, несмотря на скудную пищу, былъ очень крѣпокъ, „имѣлъ силу противъ двухъ человѣкъ,“ и ростомъ былъ высокъ. Былъ и на службахъ первымъ. Въ промежуткахъ между службами, была введена имъ молитва въ келіяхъ, работа въ огородахъ, шитье одежды, переписываніе книгъ и даже иконописаніе. Для совершенія литургіи, въ дни праздничныя, приглашали изъ ближайшаго села священника.

Приходя въ церковь къ полунощницѣ и расходясь по келіямъ послѣ вечерни, братіи земно кланялись другъ другу и обмѣнивались цѣлованіемъ, заповѣданнымъ Апостолами. По уходѣ братіи въ келіи, въ обители воцарялась тишина, нарушаемая развѣ воемъ дикихъ звѣрей, нерѣдко приближавшихся ночью къ самой оградѣ обители, или же тихимъ пѣніемъ псалмовъ бодрствующаго брата.

Въ келіяхъ своихъ иноки большую часть времени проводили въ чтеніи священнаго писанія и въ молитвѣ, прекращая всякое сношеніе съ братіей, слѣдуя примѣру самого Преподобнаго. Таковы были основные порядки въ новоучрежденной обители, исключавшей всякое нарушеніе законовъ нравственной чистоты жизни человѣка.

Будучи основоположникомъ новаго иноческаго пути, Преподобный Сергій не измѣнилъ основному типу русскаго монашества, какъ онъ сложился въ Кіевѣ XI-го вѣка, но въ его обликѣ проступаютъ еще болѣе утонченныя и одухотворенныя черты. Кротость, духовная ясность, величайшая простота являются основными чертами его духовнаго склада. При непрестанномъ трудѣ, мы нигдѣ не видимъ поощренія суровости аскезы, нигдѣ нѣтъ указаній на ношеніе веригъ или истязаній плоти, но лишь непрестанный, радостный трудъ, какъ духовный, такъ и физическій.

Такъ изъ пустытника, созерцателя, Сергій выросъ въ общественнаго дѣятеля и готовился неисповѣдимыми путями къ роли государственной. Росла съ нимъ и его Обитель, которой было суждено сыграть огромную историческую роль по распространенію духовной культуры и укрѣпленію Государства Русскаго.

Съ увеличеніемъ числа братіи начала ощущаться потребность введенія болѣе опредѣленныхъ и твердыхъ правилъ, явилась нужда въ игуменѣ. Но, несмотря на усиленныя просьбы братіи быть среди нихъ игуменомъ, Сергій непреклонно отказывался, говоря: „желаніе игуменства есть начало и корень властолюбія.“ Это нестяжаніе власти красной нитью проходитъ во всей его жизни. И тогда, по просьбѣ Сергія, первымъ игуменомъ Св. Троицкой Обители сталъ тотъ самый старецъ Митрофанъ, который постригъ его въ монашество. Только послѣ скорой кончины этого старца, уступая просьбамъ и даже угрозамъ братіи разойтись и нарушить обѣтъ свой, ибо какъ говорили они: „ты дашь отвѣтъ нелицепріятному Судіи — Богу. Мы ради тебя, услышавъ о добродѣтели твоей, возложивъ на тебя все упованіе, оставили все въ мірѣ и водворились по твоему согласію на мѣстѣ семъ...“, Сергій отправился, наконецъ, съ двумя старѣйшими братіями къ епископу Афанасію въ Переяславль Залѣвскій. Но въ Переяславлѣ уже слышали о подвигахъ Преподобнаго, и Святитель Афанасій весьма обрадовался, увидавъ Сергія, и безъ колебанія повелѣлъ ему принять игуменство. Тутъ же поставилъ его въ иподіаконы и въ іеродіаконы, и на другой же день облекъ его во священство. А въ день слѣдующій Преподобный, съ глубокимъ умиленіемъ и духовнымъ подъемомъ, впервые служилъ Литургію. Отпуская его, епископъ Афанасій напутствовалъ его: „должно тебѣ, возлюбленный, немощи немощныхъ нести, а не себѣ угождать...“

другъ друга тяготы нести и тако исполните законъ Христовъ...“

Можно представить, съ какой радостью братія встрѣтила новаго игумена, своего давняго наставника. Принявъ игуменство, Сергій ничего не измѣнилъ въ обращеніи своемъ съ братіей, ни въ своей труженической жизни, лишь принялъ еще большую отвѣтственность. Такъ же какъ и раньше несъ онъ всѣ работы и служилъ братіи, „какъ рабъ купленный“, и одежду носилъ ветхую и покрытую заплатами, такъ что трудно было различить, кто былъ старшій изъ нихъ и кто младшій, ибо Преподобный съ самыхъ первыхъ дней воплотилъ въ образъ своемъ завѣтъ первенства, указаннаго Христомъ: „кто хочетъ между вами быть первымъ, да будетъ всѣмъ слугою.“

Въ первые годы существованія Обители ощущалась сильная скудность и недохватки. „Все худостно, все нището, все сиротинско,“ какъ выразился одинъ мужичекъ, пришедшій въ Обитель Преподобнаго повидать прославленнаго и величественнаго игумена; „чего не хватись, всего нѣтъ.“ Нерѣдко случалось, что въ Обители не было ни вина для совершенія литургіи, ни фиміама, ни воска для свѣчей; тогда, чтобы не прекращать богослуженія, зажигали въ церковкѣ, на вечернія службы, березовую лучину, которая съ трескомъ и дымомъ свѣтила чтенію и пѣнію. Но зато „сердца терпѣливыхъ и скудныхъ пустынниковъ горѣли тише и яснѣе свѣчи, и пламень душъ ихъ достигалъ Престола Вышняго.“ Такъ находимъ свидѣтельство другаго подвижника, по времени близкаго къ Преподобному Сергію, который пишетъ: „толику же нищету и нестяженіе имѣяху, яко во обители Блаженнаго Сергія

и самыя книги не на хартіяхъ писаху, но на берестяхъ.“ И, дѣйствительно, всѣ богослужебныя книги и многія другія священныя писанія были переписаны братіей и самимъ Преподобнымъ въ часы досуга на доскахъ и на берестѣ. Образцы этихъ трудовъ, такъ же какъ первые деревянные, священные сосуды и фелонь Преподобнаго, изъ некрашенной крашенины съ синими крестами, хранились въ Лаврской библіотекѣ и ризницѣ.

Свидѣтельствуя объ игуменствѣ Сергія, тотъ же подвижникъ пишетъ: „слышахомъ о Блаженномъ Сергіи... отъ неложныхъ свидѣтелей, иже бяху въ лѣта ихъ, яко толику бодрость и тщаніе имѣяху о паствѣ, яко ни мало небреженіе или преслушаніе презрѣти. Бяху бо милостивъ, егда подобаше и напрасни, егда потреба быше, и обличающе и понуждающе ко благому согрѣшающе...“ Все это даетъ намъ обликъ вѣчно бодрствующаго, зоркаго наставника, слѣдящаго за каждымъ братомъ, особенно же за новичкомъ, и, при всей мягкости своей, недопускающаго уклоненій отъ установленныхъ правилъ. Введенная имъ суровая дисциплина, требовавшая отъ учениковъ постоянной бдительности надъ мыслями, словами и поступками своими, сдѣлала изъ его Обители воспитательную школу, въ которой создавались мужественные, безстрашные люди, воспитанные на отказѣ отъ всего личнаго, работники общаго блага и творцы новаго народнаго сознанія.

Приведенныя Епифаніемъ въ жизнеописаніи установленныя Преподобнымъ правила указываютъ на суровость этой дисциплины. Такъ, послѣ вечерни не разрешалось братіи выходить изъ келій и бесѣдовать

другъ съ другомъ. Каждый долженъ былъ пребывать въ своей келіи и упражняться въ молитвѣ, въ уединенномъ богомыслии и, чтобы руки ихъ не были праздны, заниматься рукодѣліемъ, не давая возможности лѣности овладѣть тѣломъ.

Часто въ глухія зимнія ночи Преподобный обходилъ тайно около братскихъ келій для наблюденія за исполненіемъ правила его и, если находилъ кого на молитвѣ, или читающимъ книгу, или за ручнымъ трудомъ, радовался духомъ и шель дальше; но если слышалъ празднословящихъ, то легкимъ ударомъ въ оконце подавалъ знакъ о прекращеніи недозволенной бесѣды и удалялся. На утро же призывалъ провинившихся и наставлялъ ихъ кротко, но сильно, и приводилъ къ раскаянію. При этомъ, чтобы не задѣтъ, онъ часто говорилъ притчами, пользуясь самыми простыми и обыденными образами и сравненіями, которые глубоко западали въ душу провинившагося.

Другимъ замѣчательнымъ правиломъ Преподобнаго было запрещеніе братіи ходить изъ Обители по деревнямъ и просить подаянія, даже въ случаѣ крайняго недостатка въ пропитаніи. Онъ требовалъ, чтобы всѣ жили отъ своего труда или отъ добровольныхъ, не выпрошенныхъ подаяній. Трудъ въ его Ученіи игралъ огромную роль. Самъ онъ подавалъ примѣръ такого трудолюбія и требовалъ отъ братіи такой же суровой жизни, какую велъ самъ. Какъ бы въ подтвержденіе этого правила, мы находимъ слѣдующій примѣръ изъ жизни самого Преподобнаго въ тѣ дни, когда въ Обители еще существовалъ порядокъ особожитія.

Преподобный однажды три дня оставался безъ

пищи, а на разсвѣтѣ четвертаго пришелъ къ одному изъ своихъ учениковъ, у котораго, какъ онъ зналъ, былъ запасъ хлѣба, и сказалъ ему: „слышалъ я, что ты хочешь пристроить сѣни къ твоей келіи, построю я тебѣ ихъ, чтобы руки мои не были праздны.“

„Весьма желаю сего,“ отвѣчалъ ему Даниилъ и ожидаю древодѣла изъ села, но какъ поручить тебѣ дѣло, пожалуй, запросишь съ меня дорогого?“

„Работа эта не дорого обойдется тебѣ,“ возразилъ Сергій, „мнѣ вотъ хочется гнилого хлѣба, а онъ у тебя есть, больше же сего съ тебя не потребую.“

Даниилъ вынесъ ему рѣшето съ кусками гнилого хлѣба, котораго самъ не могъ ѣсть, и сказалъ: „вотъ, если хочешь, возьми, а больше не взыщи.“

„Довольно мнѣ сего съ избыткомъ,“ сказалъ Сергій, „но побереги до девятаго часа, я не беру платы прежде работы.“

И, туго подтянувшись поясомъ, принялся за работу. До поздняго вечера рубилъ, пилилъ, тесалъ и, наконецъ, окончилъ постройку.

Старецъ Даниилъ снова вынесъ ему гнилые куски хлѣба, какъ условленную плату за цѣлый день труда, тогда только Сергій сталъ ѣсть заработанные имъ гнилые куски, запивая водою. При чемъ, нѣкоторые ученики изъ братіи видѣли исходившую изъ устъ его пыль отъ гнилого хлѣба и изумлялись долготерпѣнію своего наставника, не пожелавшаго даже такую пищу принять безъ труда. Подобный примѣръ лучше всего укрѣплялъ неокрѣпшихъ еще въ подвигѣ сомоотверженія.

Эпизодъ этотъ очень характеренъ—съ одной стороны, онъ ярко свидѣтельствуетъ, насколько Преподобный

добный соблюдалъ установленныя имъ правила — не просить подаянія, но пользоваться лишь плодами рукъ своихъ, трудомъ заработанными; съ другой, въ немъ проступаетъ вся природная кротость его, все великодушіе его, ни однимъ словомъ не попрекнувшаго черстваго сердцемъ и расчетливаго брата и ученика, и только потому, что черствость эта касалась лишь его самого.

Принято называть подобные поступки Сергія смиреніемъ, но вѣрнѣе объяснить ихъ самоотреченіемъ.

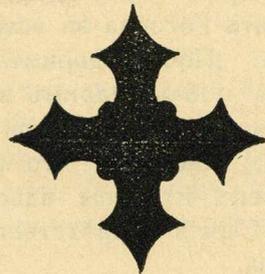
Въ томъ же жизнеописаніи приведенъ еще одинъ рассказъ, тоже связанный съ однимъ случаемъ острой нужды въ Общинѣ. Здѣсь снова явлена сила вѣры, терпѣнія и сдержанности Преподобнаго рядомъ съ малодушіемъ нѣкоторыхъ изъ братіевъ. Одолѣваемые голодомъ, они возроптали: „слушаясь тебя, намъ приходится умирать съ голоду, ибо ты запрещаешь намъ ходить въ міръ просить хлѣба. Завтра же пойдемъ отсюда каждый въ свою сторону и болѣе не вернемся, ибо не въ силахъ болѣе терпѣть здѣшнюю скудость.“

Преподобный же, желая подкрѣпить малодушныхъ, собралъ всю братію и съ обычною мягкостью, но и съ твердостью увѣщевалъ не поддаваться искушенію, говоря: „Благодать Божія не безъ искушеній бываетъ; по скорби же радости ожидаемъ. Сказано: вечеромъ водворится плачь, а за утро радость.“ И не успѣлъ онъ окончить, какъ послышался стукъ во врата Обители, и вратарь прибѣжалъ сообщить, что пріѣхали возы брашень и хлѣбовъ.

Случай съ хлѣбами, прибывшими въ послѣднюю минуту, остался въ памяти у братіи, какъ проявленіе Высшей Благодати, всегда бодрствовавшей надъ из-

бранникомъ своимъ и поддерживавшей его въ тяжкія минуты.

Былъ еще одинъ чудесный случай, связанный съ жизнью Обители, много прибавившій къ славѣ Преподобнаго. Началу его положило недовольство и ропотъ братіи за недостатокъ воды. Находившійся поблизости небольшой ручеекъ со временемъ изсякъ, рѣка же отстояла слишкомъ далеко отъ обители; и вотъ среди братіи поднялся ропотъ на игумена, что далеко имъ ходить за водою. На это Преподобный отвѣчалъ: „я хотѣлъ безмолвствовать одинъ на мѣстѣ семъ. Богу же угодно было воздвигнуть здѣсь Обитель. Но держайте, молитесь!“ Потомъ, взявъ съ собою одного ученика, вышелъ изъ Обители и, найдя недалеко въ оврагѣ нѣсколько скопившейся воды, воздѣлъ руки и обратился къ Господу, чтобы даровалъ имъ Господь, какъ нѣкогда по молитвѣ Моисея, воду и на семъ мѣстѣ. Произнеся молитву, Преподобный начерталъ крестъ на землѣ, и тотчасъ изъ земли пробился обильный источникъ чистой, холодной воды, который братія хотѣла было назвать Сергіевымъ, но онъ запретилъ имъ. Впослѣдствіи многіе, пившіе съ вѣрою изъ этого источника, получали исцѣленіе.

Спустя десять лѣтъ по основаніи Обители, около нея постепенно стали селиться крестьяне и скоро окружили монастырь своими поселками. Простота, великая сердечность Преподобнаго, отзывчивость на всякое горе и, болѣе всего, его ничѣмъ несломимая вѣра въ заступничество Силъ Превышнихъ, и отсюда ясная, радостная бодрость, не оставлявшая его въ самыя тяжкія минуты, привлекали къ нему всѣхъ и каждаго. Не было отказа въ его любвеобильномъ сердцѣ, все было открыто каждому. Каянный языкъ отказа и отрицанія не существовалъ въ его обиходѣ, „держайте“—было его излюбленнымъ реченіемъ. Для самаго скуднаго и убогаго находилось у него слово ободренія и поощренія. Лишь лицемеры и предатели не находили къ нему доступа.

Онъ постоянно твердилъ о Хранителяхъ Благихъ. Онъ призывалъ Ихъ въ свидѣтели и зналъ, что нѣтъ тайны отъ Міра Высшаго, Міра Огненнаго, и, прежде всего, училъ признательности Высшему Міру. Каждому приходящему, по сохранившемуся преданію, онъ предлагалъ поблагодарить Господа за встрѣчу.

Онъ говорилъ: „Поблагодаримъ Господа, вотъ и встрѣтились. Такъ, поблагодаримъ великихъ Отцовъ нашихъ и поклонимся имъ; и теперь порадуемся или восплачемъ вмѣстѣ. Говорятъ, что радость вдвоемъ родитъ много зеренъ и слезы вдвоемъ, какъ роса Господня“. Такъ Сергій привѣтствовалъ начало каждаго сотрудничества.

„Иже успѣетъ услышать своего духа голосъ, надъ бездною вознесетъ“, такъ говорилъ Сергій.

„И ушедшій въ лѣса не можетъ слышать рѣчь людскую; и на ложѣ уснувшій не услышитъ птичекъ, солнца возвѣстниковъ; и чуду явленному молчащій откажется отъ глаза; и молчащій на брата помощь, занозу изъ ноги своей не вынетъ“. Такъ говорилъ Сергій. Такъ хранить народъ на путяхъ своихъ сказанія мудрыя.

Можно утверждать, что Сергій нашель путь къ сердцамъ не только путемъ чудесъ, о которыхъ запрещалъ говорить, но своимъ личнымъ примѣромъ великаго сотрудничества, какъ въ большомъ, такъ и въ маломъ. Его слово было словомъ сердца, и, можетъ быть, главная сила его краткихъ убѣжденій заключалась въ той незримой, но осязаемой благодати, которая излучалась изъ всего его обаятельнаго облика, умиротворяюще и ободряюще вліявшаго на всѣхъ приходившихъ къ нему.

Нигдѣ нѣтъ указанія на гнѣвъ, даже на возмущеніе, онъ умѣлъ быть твердымъ и требовательнымъ, но безъ насилія. Онъ никогда не жалѣлъ себя, и такое качество не было умственнымъ, но сдѣлалось природою, и потому обликъ его такъ убѣждалъ. Присущее ему огненное проникновеніе помогало ему безошибочно разбираться въ способностяхъ и душевномъ складѣ учениковъ и поручать каждому задачу по силамъ его, а также проникать въ намѣренія приближавшихся къ нему.

Преподобный входилъ во всѣ нужды, во всѣ будни, какъ своихъ учениковъ, такъ и всѣхъ трудящихся. Каждодневность не притупляла его чувство-

ваній и сердце его не нарушало свою отзывчивость на всякіе обиходные вопросы. Его ученіе не отрывало отъ жизни и полагало трудъ каждаго дня, какъ возношеніе сердца. Ученіе это выше всего ставило долгъ человѣка съ точки зрѣнія общаго блага.

Сергій старался всячески очищать и утончать чувства учениковъ и приходящихъ къ нему за наставленіями, именно, въ ихъ жизненномъ обиходѣ. Всегда и во всемъ имъ руководила цѣлесообразность, которая претворялась въ немъ въ великую вмѣстимость и въ примиреніе противоположеній. Такъ, самъ онъ очень заботился о монастырскихъ огородахъ и тамъ же обсуждалъ содержаніе новыхъ иконъ. Также заботился о списываніи книгъ, но зналъ, что квась не долженъ слишкомъ бродить. Такія совмѣщенія противоположеній не измѣняли горѣнія его сердца.

Онъ умѣлъ пользоваться каждымъ случаемъ, чтобы заложить въ сознаніе народа зерно нравственнаго ученія и дать проблескъ въ Міръ Высшій. Такъ, онъ посылалъ учениковъ своихъ на полевые работы къ крестьянамъ, чтобы помочь имъ и получить возможность говорить о просвѣщеніи духа. И зерна его благостнаго ученія дали чудесные всходы. Окрѣпла нравственность, окрѣпъ духъ, поднялись силы народа, и подвигъ освобожденія Земли Русской, на который благословилъ его Преподобный, сталъ возможнымъ.

Число иноковъ въ Обители довольно долго ограничивалось двѣнадцатю по причинѣ трудности добыванія средствъ къ пропитанію, но съ увеличеніемъ населенія вокругъ Обители и въ особенности съ приходомъ Смоленскаго Архимандрита Симона, который предпочелъ помѣнять власть на званіе послушника у Сергія, и при этомъ вручилъ Преподобному свое довольно большое состояніе, число братіи стало быстро возрастать. На средства Симона была отстроена новая болѣе обширная церковь, также и необходимыя монастырскія зданія.

Преподобный могъ теперь шире принимать приходящихъ къ нему и, какъ говоритъ его жизнеописатель: „не отрѣваше никого же, ни стара, ни млада, ни богата, ни убога.“ Однако, приходящій долженъ былъ сначала ходить въ мірской одеждѣ, присматриваться къ монастырскимъ порядкамъ и исполнять безъ роптанія всѣ черныя работы. Затѣмъ, по усмотрѣнію игумена, онъ облакался въ простую рясу и камилавку и, не произнося еще обѣтовъ иночества, долженъ былъ нести трехлѣтнее испытаніе или послушаніе подъ руководствомъ избраннаго старца, чтобы онъ могъ испытать свои силы и вполне сознательно произнести обѣтъ.

И хотя Обитель уже не нуждалась теперь, какъ раньше, но Преподобный былъ все такъ же скуденъ въ одеждѣ и житіи своемъ, такъ же равнодушенъ къ почету и отличіямъ, такимъ и остался до самой смерти. Но все это было въ немъ естественно, ничѣмъ не под-

черкнуто, подвигъ свой онъ несъ просто, ибо иначе и не могъ бы. Въ этой естественности и простотѣ слѣдуетъ, прежде всего, искать печать избранности.

Существуетъ разсказъ Епифанія со словъ старцевъ очевидцевъ: „Преподобный носилъ сермяжную ткань изъ простой овечьей шерсти, да при томъ такую ветхую, которую, какъ негодную, другіе отказывались носить. Чаще всего шилъ одежду самъ. Однажды не случилось хорошаго сукна въ обители, была лишь одна половинка гнилая, пестрая и плохо сотканная. Никто изъ братіи не хотѣлъ ею пользоваться. Одинъ передавалъ другому, и такъ обошла она до семи человѣкъ. Но Преподобный Сергій взялъ ее, скроилъ изъ нея рясу и не хотѣлъ уже разставаться.“

Тотъ же Епифаній при этомъ добавляетъ: „яко и не познатися ему, худости ради ризъ его.“ И приводитъ слѣдующій случай. Многіе приходили издалека, чтобы взглянуть на Преподобнаго. Пожелалъ видѣть его и одинъ простой землешаецъ. При входѣ въ монастырскую ограду сталъ спрашивать братію — какъ бы повидать ихъ славнаго игумена? Преподобный же тѣмъ временемъ трудился въ огородѣ, копая заступомъ землю подъ овощи.

„Подожди немного, пока выйдетъ,“ отвѣчали иноки.

Крестьянинъ заглянулъ въ огородъ черезъ щель забора и увидѣлъ старца въ заплатанной рясѣ, трудившагося надъ грядкою. Не повѣрилъ онъ, что этотъ скромный старецъ и есть тотъ Сергій, къ которому онъ шелъ. И опять сталъ приставать къ братіи, требуя, чтобы ему показали игумена.

„Я издалека пришелъ сюда, чтобы повидать его, у меня до него дѣло есть.“

„Мы уже указали тебѣ игумена,“ отвѣтили иноки, „если не вѣришь, спроси его самого.“

Крестьянинъ рѣшилъ подождать у калитки. Когда Преподобный вышелъ, иноки сказали крестьянину:

„Вотъ онъ и есть, кого тебѣ нужно.“

Посѣтитель отвернулся въ огорченіи.

„Я пришелъ издалека посмотреть на пророка, а вы мнѣ сироту указываете. Никакой не вижу въ немъ чести, величества и славы. Ни одеждъ красивыхъ и многоцвѣтныхъ, ни отроковъ, предстоящихъ ему... но все худое, все нищенское, все сиротское. Не до того я еще неразуменъ, чтобы мнѣ принять сего бѣдняка за именитаго Сергія.“

Иноки обидѣлись, и только присутствіе Преподобнаго помѣшало имъ выгнать его. Но Сергій самъ пошелъ навстрѣчу, поклонился ему до земли, поцѣловалъ и повелъ за трапезу. Крестьянинъ высказалъ ему свою печаль — не пришлось ему видѣть игумена.

„Не скорби, брате,“ утѣшилъ его Преподобный; „Богъ такъ милостивъ къ мѣсту сему, что никто отсюда не уходитъ печальнымъ. И тебѣ Онъ скоро покажетъ, кого ищешь.“

Въ это время въ Обитель прибылъ князь со свитою бояръ. Преподобный всталъ навстрѣчу ему. Прибывшіе оттолкнули крестьянина и отъ князя, и отъ игумена. Князь земно поклонился Святому. Тотъ поцѣловалъ его и благословилъ, потомъ оба сѣли, а всѣ остальные „почтительно стояли кругомъ.“

Крестьянинъ протискивался и, обходя кругомъ,

все старался рассмотреть—гдѣ же Сергій? Наконецъ, снова спросилъ:

„Кто же этотъ чернецъ, что сидитъ по правую руку отъ князя?“

Инокъ съ упрекомъ сказалъ ему:

„Развѣ ты пришлецъ здѣсь, что доселѣ не слыхалъ объ отцѣ нашемъ Сергій?“

Только тогда понялъ крестьянинъ свою ошибку. И по отъѣздѣ князя бросился къ ногамъ Преподобнаго, прося прощенія.

Сергій же утѣшилъ его, сказавъ: „Не скорби, чадо, ты одинъ справедливо разсудилъ обо мнѣ“, и побесѣдовавъ съ нимъ, отпустилъ съ благословеніемъ. Но простодушный землешецъ до того былъ побужденъ кротостью великаго Старца, что вскорѣ снова прибылъ въ обитель, чтобы уже остаться въ ней, и принялъ монашество. Такъ простота и великая благость Преподобнаго дѣйствовали сильнѣе всякаго великолѣпія.

Конечно, путь Преподобнаго не могъ не быть отмѣченнымъ „такъ называемыми“ чудесами. Вѣдь чудо есть знаменіе великаго общенія съ Силами Высшими, съ Іерархіей Свѣта. Потому кому же какъ не Преподобному должны были быть открыты они. Отъ дѣтства лежала на немъ печать избранничества, и въ зрѣлые годы, когда онъ укрѣпился и достигъ равновѣсія духовныхъ силъ, общеніе это проявилось многими чудесами, которыя не всѣ дошли до насъ, ибо не всѣ были записаны. Такъ мы знаемъ о чудѣ съ источникомъ, и вторымъ чудомъ было исцѣленіе, по нѣкоторымъ же свѣдѣніямъ воскрешеніе ребенка.

Къ этому времени слава о немъ, какъ о Святомъ,

разнеслась далеко, и съ дальнихъ сторонъ приходили къ нему съ поклоненіемъ, за свѣтомъ и, главнымъ образомъ, со всѣми бѣдами. И Преподобный въ своемъ любвеобильномъ сердцѣ находилъ нужное слово для каждаго. Епифаній передаетъ, какъ одинъ человѣкъ, жившій въ окрестностяхъ Троицкой Обители, имѣлъ единственнаго сына и тотъ тяжело занемогъ. Отецъ, исполненный вѣры, понесъ его къ Преподобному. Но пока онъ изливалъ свои мольбы и Сергій готовился совершить молитву, отрокъ, въ жестокомъ припадкѣ, умеръ. Отецъ впалъ въ отчаяніе и даже сталъ упрекать Преподобнаго, что, вмѣсто утѣшенія, скорбь его только умножилась, ибо лучше бы ему было умереть дома, по крайней мѣрѣ, у него хотя бы вѣра не убавилась. Должно быть, Преподобный сжалился надъ несчастнымъ отцомъ, и, когда тотъ ушелъ за нужными вещами для погребенія, всталъ на молитву о дарованіи жизни отроку, и тотъ ожилъ.

Когда же убитый горемъ отецъ возвратился, неся съ собою все нужное, Преподобный встрѣтилъ его словами:

„Напрасно ты, не рассмотрѣвъ, такъ смутился духомъ, отрокъ же твой не умеръ.“

Увидя воскрешеннаго сына, счастливый отецъ въ изступленіи радости упалъ къ ногамъ Сергія, со слезами благодаря его за совершенное чудо. Но Преподобный сталъ убѣждать его, что никакого чуда не было:

„Прельщаешься,“ говорилъ чудотворецъ, „и не знаешь самъ, за что благодаришь. Когда ты несъ больного, онъ изнемогъ отъ сильной стужи, тебѣ же показалось, что онъ умеръ, нынѣ же согрѣлся у меня въ келіи и припадокъ прошелъ. Но иди съ миромъ домой

и не разглашай никому о случившемся, чтобы тебѣ вовсе не лишиться сына.“

Происшествіе это лишь много позднѣе стало извѣстнымъ отъ келейника Преподобнаго. Епифаній и приводитъ его разсказъ. Тотъ же келейникъ разсказываетъ еще два случая. Одинъ съ тяжело больнымъ, который три недѣли не могъ ни пить, ни ѣсть и вовсе лишился сна. Родные его, потерявъ всякую надежду на выздоровленіе, понесли больного въ Обитель къ Сергію и положили къ ногамъ его. Преподобный, помолвившись, окропилъ его св. водою, и тотъ погрузился въ глубокой и длительный сонъ. Проснувшись, онъ почувствовалъ себя совершенно здоровымъ и въ первый разъ вкусилъ пищу, которую предложилъ ему Преподобный.

Другой случай съ бѣсноватымъ, знатнымъ вельможею, жившимъ на берегахъ Волги, который, будучи связанъ, разрывалъ желѣзныя узы и скрывался отъ людей, живя среди дикихъ звѣрей, пока его не находили домашніе. И такъ какъ слава о святомъ чудотворцѣ достигла и тѣхъ мѣстъ, то домашніе рѣшили привести его къ Преподобному.

Вельможу повезли насильно, ибо онъ и слышать не хотѣлъ о Сергіи. Когда же его довели до Обители, онъ въ ярости разбилъ свои узы, и вопли его были слышны внутри монастырской ограды. Когда Сергію сказали о томъ, онъ приказалъ всѣмъ собраться въ церковь и служить молебствіе о болящемъ. Тогда бѣсноватый сталъ понемногу успокаиваться, и его могли подвести къ церкви. Преподобный вышелъ къ нему съ крестомъ, и лишь только онъ осѣнилъ его и окропилъ святой водою, какъ больной съ дикимъ воплемъ: „го-

рю, горю!“ бросился въ большую, накопившуюся отъ дождя, лужу, но внезапно утихъ и сталъ совершенно здоровъ. Впослѣдствіи онъ разсказывалъ, что когда Преподобный хотѣлъ осѣнить его Крестомъ, онъ увидѣлъ нестерпимый пламень, исходившій отъ Креста, который и охватилъ его всего, потому онъ и бросился въ воду, чтобы не сгорѣть. Нѣсколько дней провель онъ въ Обители и вернулся къ себѣ съ глубокою благодарностью къ Святому. Конечно, такія исцѣленія и чудеса широко разносились по окрестностямъ, и въ Обитель, къ Преподобному, притекали со всѣхъ мѣстъ люди разнаго положенія, отъ князей и бояръ до простыхъ и самыхъ нищихъ.

Всеобщее признаніе и почитаніе ни въ чемъ не измѣнили его, ни его уклада жизни, ни обращенія съ людьми; онъ съ равною внимательностью и любовью обращался, какъ съ князьями, обогащавшими его Обитель, такъ и съ бѣдняками, питавшимися отъ монастыря. Всегда оставался простымъ и кроткимъ наставникомъ, но въ рѣдкихъ случаяхъ являлся и суровымъ судьей. Такъ житіе приводитъ два случая, когда Преподобный явился обличителемъ.

Одинъ человекъ обидѣлъ бѣднаго сосѣда своего, отобралъ у него откормленнаго борова и не заплатилъ договоренной платы. Потерпѣвшій прибѣгнулъ къ защитѣ Преподобнаго. Сергій вызвалъ обидчика и долго усовѣщевалъ его. Обидчикъ обѣщаль тотчасъ же заплатить, но, возвратясь домой, вновь пожалѣлъ денегъ и не исполнилъ своего обѣщанія. Когда же онъ вошелъ въ клѣть, гдѣ лежалъ зарѣзанный имъ боровъ, онъ увидѣлъ, что вся туша изѣдена червями, несмотря на зимнее время. Испугался богатѣй и въ

ту же минуту понесъ деньги сиротѣ, мясо же выбросилъ на съѣденіе псамъ.

Другой разсказъ о внезапной слѣпотѣ епископа Константинопольскаго, который хотя и много слышалъ о чудесахъ игумена Сергія, но не придавалъ этимъ слухамъ надлежащей вѣры. Случилось этому епископу быть въ Москвѣ, по дѣламъ церкви, и онъ рѣшилъ провѣрить самъ эти слухи и посмотрѣть на него въ Обители. Обуреваемый сомнѣніемъ и чувствомъ самопревозношенія, онъ говорилъ: „Можетъ ли быть, чтобы въ сихъ странахъ возсіялъ такой свѣтильникъ, которому подивились бы и древніе Отцы?“ Въ такомъ настроеніи ума епископъ прибылъ въ Троицкую Обитель, но уже приближаясь къ Обители, онъ сталъ ощущать нѣкій непреодолимый страхъ и, когда вошелъ въ монастырь и увидѣлъ Сергія, внезапно былъ пораженъ слѣпотою. Преподобный долженъ былъ взять его за руку, чтобы провести въ келію свою. Пораженный епископъ исповѣдалъ Преподобному свое невѣріе и сомнѣніе свое, и недобрыя о немъ мысли, и просилъ его объ исцѣленіи. Преподобный съ молитвою прикоснулся къ глазамъ его, и тотъ прозрѣлъ.

Конечно, случаевъ такихъ было множество. Несомнѣнно, многіе и забылись, ибо самъ Преподобный умалчивалъ о нихъ и другимъ запрещалъ разглашать. И жизнеописатель могъ привести лишь наиболѣе запомнившіеся.

Преподобный былъ также первымъ духовникомъ братіи. Конечно, исповѣдь эта много способствовала тому внутреннему общенію, которое такъ спаивало его съ братіей. Наблюденіе и любовь къ людямъ дали ему подходъ къ каждой душѣ и умѣніе извлекать изъ нея

лучшія чувства, что сильно облегчало задачу духовнаго водительства. Духовное прозрѣніе въ истинную сущность учениковъ руководило имъ и въ опредѣленіи мѣры послушанія по силамъ и способностямъ cadaго, ни въ чемъ не насилуя, но всячески охраняя личныя свойства ихъ.

Указывается, что онъ строго наблюдалъ за исполненіемъ правилъ общежитія какъ со стороны старшихъ, такъ и со стороны младшихъ иноковъ. Отъ старшихъ требовалъ быть милостивыми и не гнѣвливыми, младшей же братіи заповѣдалъ исполнять въ точности предписанныя правила и требованія старшихъ. Іерархическое начало въ полной мѣрѣ проводилось въ его Обители, но нигдѣ не указано на насиліе надъ индивидуальностью учениковъ. Такъ когда онъ очень желалъ поставить игуменомъ въ основанномъ имъ Киржачскомъ Монастырѣ ученика своего Исаакія, но тотъ предпочелъ подвигъ молчанія; онъ не настаивалъ. Прекрасно сказано у Ключевскаго: „По послѣдующей самостоятельной дѣятельности учениковъ Преподобнаго Сергія видно, что подъ его воспитательнымъ руководствомъ лица не обезличивались, каждый оставался самъ собою и, становясь на свое мѣсто, входилъ въ составъ сложнаго и стройнаго цѣлаго, какъ въ мозаической иконѣ, различныя по величинѣ и цвѣту, камешки укладываются подъ рукою мастера въ гармоническое, выразительное изображеніе.“

Многokrатно отмѣчается жизнеописателемъ Епифаніемъ, что слово Преподобнаго никогда никого не задѣвало, онъ говорилъ и дѣйствовалъ спокойно и болѣе всего старался убѣдить, но иногда налагалъ эпитиміи. Въ высокой мѣрѣ онъ обладалъ даромъ вну-

шать уваженіе къ себѣ и поддерживать въ окружающихъ достойный и высокій духъ, просто лишь обаяніемъ своего облика.

Не произносилъ онъ и длинныхъ проповѣдей, рѣчь его отличалась краткостью и убѣдительностью. Часто говорилъ онъ притчами, пользуясь самыми простыми и обыденными образами и сравненіями, которые легко запоминались слушателями. Но, прежде всего, Преподобный училъ людей своимъ личнымъ примѣромъ, примѣненіемъ ученія въ жизни каждаго дня. Трудъ въ его ученіи игралъ огромную, первенствующую роль. Онъ зналъ пламенную мѣру труда, потому непрестанный трудъ ставился имъ, какъ условіе и средство духовнаго достиженія. Сердцемъ онъ прозрѣвалъ, что трудъ, во имя Свѣтлой Іерархіи, во имя ближняго, преобразуется въ качество своемъ. Такъ трудъ былъ возведенъ имъ въ священное понятіе, неотдѣлимое отъ духовнаго самоусовершенствованія.

Итакъ, въ лицѣ Сергія игумена мы имѣемъ образъ истиннаго Вождя, входящаго какъ во внутреннюю, такъ и во внѣшнюю жизнь довѣрившихся ему. Онъ могъ быть снисходительнымъ, но нигдѣ не видно попустительства. Есть свидѣтельство, что, при всей своей мягкости, онъ бывалъ суровъ на исповѣди. Именно, присущая ему великая справедливость покоряла ему всѣ сердца.

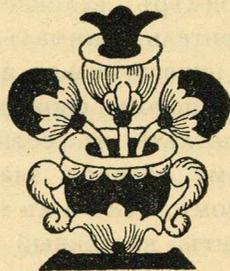
Смирненіе, которое такъ часто упоминается въ связи съ обликомъ Преподобнаго, имѣетъ совершенно другое значеніе, нежели въ современномъ смыслѣ слова. Преподобный былъ, прежде всего, строителемъ, строитель же не можетъ быть смиренникомъ, ибо онъ знаетъ отвѣтственность. Многія черты древнихъ собы-

тій преломляются совершенно иначе для насъ; прежде всего, по причинѣ разнаго пониманія словъ. Смирненіе его было самоотреченіемъ, но не самоуничженіемъ, ибо иначе развѣ могъ онъ явиться духовнымъ наставникомъ столь выдающейся паствы и создать такую мощную духовную твердыню? Развѣ могъ бы онъ принять отвѣтственность передъ всѣмъ народомъ, благословивъ воинство на страшный бой съ вѣковымъ врагомъ Земли Русской? Онъ зналъ силу духа своего, онъ зналъ Волю Силь Высшихъ. Мѣриломъ величія духа всегда будетъ, сознательно принятая, тяжесть отвѣтственности. И, какъ мы видимъ, Преподобный зналъ эту мѣру и принялъ полную чашу.

Также и въ труженничествѣ Сергія на братію, „яко рабъ купленный“, въ то время, когда въ Обители его порядокъ былъ еще особножитный, многіе склонны видѣть и даже сугубо подчеркивать выявленіе какого-то особаго смиренія. Но не справедливѣ ли видѣть въ этомъ дѣйстви, помимо священнаго, воспитательнаго значенія труда, примѣръ великаго сотрудничества. Мудрый Сергій-Строитель понималъ, что безъ сотрудничества не только ничего нельзя построить, но ничто и жить не можетъ, и потому своимъ личнымъ примѣромъ хотѣлъ запечатлѣть въ сознаніи учениковъ и приходящихъ къ нему великое значеніе сотрудничества какъ въ большемъ, такъ и въ маломъ. Подтверженіемъ этому служить, введенный имъ впоследствии въ Обители, порядокъ общежитный, при которомъ каждый трудился не для себя только, но, прежде всего, для общей пользы. Такъ было заложено Преподобнымъ начало пониманія сотрудничества. Порядокъ этотъ былъ введенъ имъ не только въ Троицкой

Обители, но и во всѣхъ другихъ, учрежденныхъ имъ самимъ или его учениками.

Можно сказать, что подвижническая жизнь Сергія, своимъ личнымъ примѣромъ, введя въ жизнь высокое, нравственное ученіе, отмѣтила Новую Эру въ жизни Земли Русской. Благодаря широкому установленію имъ и учениками его новыхъ обителей, школъ суровой подвижнической жизни, сильно поднялась нравственность народа. Возникшія вокругъ такихъ монастырей-школъ цѣлыя селенія и посады постоянно имѣли передъ собою неповторяемую школу высокаго самоотреченія и бескорыстнаго служенія ближнему. Развѣ могла быть одержана побѣда надъ страшнымъ врагомъ, если бы духъ народа не былъ напитанъ огненной благодатью, исходившей во всей ея неисчерпаемости отъ его великаго Наставника и Заступника?

Съ притокомъ нѣкоторыхъ средствъ, въ особенности же съ возрастающимъ числомъ братіи, въ жизнь Обители проникъ и извѣстный элементъ разъединенія, ибо братія состояла изъ людей, весьма различныхъ по возрасту, состоянію, сословію и по духовному укладу. Мы уже видѣли, какъ стоило задержаться возу съ хлѣбомъ, и братія, избранная и возлюбленная, не вѣрится ни на часъ. Трудно стало и на рѣку ходить и понадобилось сотвореніе чуда открытія источника. Многимъ нужна не Благодать, но благоденствіе тѣла. Такъ, когда обитель перестала нуждаться, не замедлилъ вернуться и братъ Стефанъ.

Но еще больше разногласія возникло, когда Преподобный Сергій, непрестанно заботясь о внутреннемъ и духовномъ преуспѣяніи своей паствы, рѣшилъ ввести въ своей Обители общежитіе. Въ началѣ уставъ житія въ Троицкой Обители на Маковцѣ былъ особножитнымъ, то-есть, каждый монахъ имѣлъ свою келью, самъ одѣвалъ себя и готовилъ себѣ пищу, имѣлъ даже нѣкоторую собственность въ келіи, подчиняясь лишь общему для всѣхъ игуменскому надзору въ дѣлахъ духовныхъ. Но съ ростомъ монастыря и братіи такое положеніе становилось затруднительнымъ, разность въ положеніи братіи порождала зависть и неурядицы. Преподобный увидѣлъ себя вынужденнымъ учредить болѣе строгій порядокъ, приближавшійся къ первохристіанскимъ общинамъ — всѣ равны и ни у кого нѣтъ ничего своего, вся жизнь общинная.

Чтобы придать своему начинанію больше твер-

дости и авторитета, Преподобный, поддерживаемый Митрополитомъ Алексіемъ, получилъ отъ Константинопольскаго Патріарха Филафея грамоту и благословеніе на введеніе въ монастырѣ „общежитія.“

Въ житіи мы находимъ разсказъ о видѣніи, предсказавшемъ Сергію будущій ростъ и процвѣтаніе его Обители. Повидимому, это видѣніе относится ко времени, когда Преподобный былъ обезпокоенъ мыслями о переустройствѣ монастырскаго быта, къ введенію общежитія.

Однажды въ глухую ночь Преподобный, въ великой заботѣ о духовныхъ чадахъ своихъ, бодрствовала на молитвѣ и услышалъ голосъ, звавшій его: „Сергіе!“

Удивился Преподобный необычному зову во нощи, открылъ оконце келіи и увидѣлъ видѣніе дивное. Свѣтъ лучезарный какъ бы струился съ неба, и столь блистающъ былъ этотъ Свѣтъ, что яркостью превосходилъ свѣтъ дневной.

И снова голосъ произнесъ: „Сергіе! Ты молишься о чадахъ своихъ, Господь услышалъ моленія твои.“

При этомъ Преподобный увидѣлъ множество птицъ, „зѣло прекрасныхъ“, прилетѣвшихъ не только въ монастырѣ, но и вокругъ монастыря, и таинственный голосъ продолжалъ:

„Смотри и виждь множество иноковъ, сшедшихъ въ паству, тобою направляемую. Такъ умножится стадо учениковъ твоихъ и по тебѣ не оскудѣютъ, аще восхотятъ стопамъ твоимъ послѣдовати.“

Сергій, исполненный великой радости духовной, поспѣшилъ позвать архимандрита Симона, жившаго съ нимъ рядомъ, который еще засталъ конецъ видѣнія — чудный Свѣтъ Небесный.

Несомнѣнно, это видѣніе еще болѣе укрѣпило его въ задуманномъ имъ переустройствѣ монастырскаго быта. Введеніе общежитія потребовало расширения и постройки новыхъ зданій, какъ то: общей трапезы, поварни, пекарни, кладовыхъ, амбаровъ и учрежденія между братіей цѣлаго ряда хозяйственныхъ и церковно-общественныхъ должностей, что и было осуществлено Преподобнымъ (въ 1354 г.), несмотря на недовольство части братіи. „Тако разрядища братію по службамъ: ового келаря, ового подкеларника, ового казначея, ового уставщика, овыхъ трапезниковъ, иныхъ же поваровъ, другихъ же хлѣбниковъ, иныхъ же больнымъ служити; и все богатство и имѣніе монастырское обще сотвориша и никому же ничто же свое держати, ниже своимъ звати, но вся обща имѣти. Елицы же тако не восхотѣша, отай изыдоша изъ монастыря, и оттолѣ уставися общее житіе въ монастырѣ святаго Сергія, иже въ Радонежи, въ славу Пресвятыя Троицы.“

Конечно, такое нововведеніе расширяло и усложняло дѣятельность Преподобнаго. Теперь онъ являлся отвѣтственнымъ за весь бытъ монастыря. Частная собственность была строго воспрещена, что и вызвало главное недовольство среди братіи. Всѣ способные должны были трудиться, и, какъ мы знаемъ, Преподобный продолжалъ подавать примѣръ, исполняя, несмотря на свой высокій санъ, самую тяжкую работу, при этомъ всячески поощряя въ братіи насажденія духовно-просвѣтительныхъ искусствъ, какъ иконопись и списываніе книгъ и расцвѣченіе ихъ узорами и заставками въ краскахъ и золотомъ. Такъ племянникъ Сергія, Феодоръ, постриженный еще въ юности, овладѣлъ искусствомъ иконописанія и перенесъ его въ Андро-

нівъ Монастырь, въ Москву, гдѣ жилъ и знаменитый Андрей Рублевъ.

Феодоръ, племянникъ Преподобнаго, былъ поставленъ имъ впослѣдствіи игуменомъ Симоновскаго Монастыря. Существуетъ разсказъ, какъ Преподобный, бывая у своего „братанича“, къ не малому его и всей братіи удивленію, прежде всего, заходилъ въ хлѣбню и бесѣдовалъ часами „о пользѣ душевной“ съ юродствующимъ послушникомъ Кирилломъ. Впослѣдствіи Кириллъ этотъ былъ извѣстенъ своей подвижнической жизнью и основалъ знаменитый Кирилло-Бѣлоозерскій Монастырь. Трудно было усмотрѣть въ юродствующемъ тогда инокѣ задатки къ великому духовному строителству, но духовному прозрѣнію Преподобнаго открыты были тайники души человѣческой.

Не преминулъ Преподобный учредить и страннопріимный домъ. Всѣ избытки монастырскіе, по уставу его, шли на питаніе и подаваніе просящимъ. Есть указаніе, что первая богадѣльня въ Обители возникла при Сергіи и, во всякомъ случаѣ, онъ первый положилъ начало монастырской благотворительности.

Преподобный Сергіи еще съ дѣтства былъ приченъ почитать и помогать странникамъ-богоискателямъ и свято хранилъ память о посѣщеніи чудеснаго Старца, предрексаго ему путь его. Потому и учрежденіе страннопріимнаго дома онъ считалъ столь важнымъ, что подкрѣпилъ его особымъ предреченіемъ:

„Если сію заповѣдь мою соблюдете безъ роптанія, то и по отхожденію моемъ отъ житія сего, Обитель весьма распространится и будетъ въ ней всякое изобиліе и на многіе лѣта неразрушима постоитъ благодатью Христовою.“ Какъ краснорѣчиво выражается

Епифаній: „Рука Сергіева была простерта, яко рѣка многоводная, тихая струями.“

Если кому случалось въ зимнюю стужу быть задержаннымъ въ пути метелью и глубокими снѣгами, то въ Обители онъ находилъ пристанище и получалъ все необходимое; „странные же и нищіе и болящіе многіе дни въ ней отдыхали въ полномъ довольствіи и успокоеніи“. Такъ уединенная Обитель Сергіева выдвинулась изъ дремучихъ лѣсовъ на распутье стезей человѣческихъ, и близъ нея пролегла большая дорога отъ Москвы на сѣверные города. Князья, воеводы и воинства ихъ, неоднократно, проходя мимо гостепріимныхъ вратъ Обители, заходили и всегда были принимаемы съ честью и отпускаемы съ обильною пищею. Сергіи вѣровалъ, что рука дающаго не оскудѣетъ, и, дѣйствительно, слава о чудесахъ и великомъ духовномъ Наставникѣ широко разошлась за предѣлы Московскаго Княжества, принося съ собою и новыя средства для широкаго благого строителства. Народъ обрѣлъ въ Преподобномъ отца, наставника, судью справедливаго, цѣлителя, какъ духовныхъ, такъ и тѣлесныхъ немощей своихъ, и заступника передъ всякаго рода утѣснителями. Истинно, никто болѣе него не подходилъ подъ характеристику Святого древней Руси — „Земной Ангелъ и Небесный Человѣкъ.“

Можно было бы думать, что Троицкая Обитель подъ управленіемъ уже столь прославленнаго, благодатнаго и возлюбленнаго игумена будетъ крѣпка и едина духомъ, и безопасна отъ всякихъ внутреннихъ потрясеній, но вотъ случилось происшествіе, которое едва не лишило Обитель ея Благодатнаго Покрова и не нарушило само основаніе ея. Возможно, что при-

чиною этого опять-таки явилось недовольство, таившееся среди братии изъ-за введенія общежитія. Въ жизнеописаніи нѣтъ на это опредѣленныхъ указаній, но связано оно со Стефаномъ, братомъ Преподобнаго.

Въ одинъ субботній день самъ Преподобный служилъ и былъ въ алтарѣ, Стефанъ же, братъ его, стоялъ на клиросѣ. И вотъ Преподобный слышитъ голосъ брата, рѣзко выговаривающій канонарху за какой-то, по его мнѣнію, непорядокъ въ чинопослѣдованіи. На отвѣтъ, что такъ правятъ службу по указанію самого игумена, Стефанъ запальчиво, въ раздраженіи произнесъ:

„Какой онъ игумень! не я ли старше его? не я ли основалъ мѣсто сіе?“ при этомъ произнесъ онъ и другія немирныя слова, которыя тоже услышалъ Преподобный „и ина нѣкая изрекъ, ихъ же не лѣпо бе.“

Дослуживъ всенощную, Преподобный и виду не подалъ, что слышалъ, но въ ту же ночь оставилъ монастырь. Трудно сказать, какая именно мысль побудила его, по окончаніи вечерни, тайно удалиться изъ монастыря. Игуменство съ самага начала не привлекало его и скорѣе тяготило, но, зная всю ясность, все спокойствіе и долготерпѣніе его, невозможно предположить, чтобы поступокъ брата такъ повліялъ на него, что онъ оставилъ Обитель, чуть не собственноручно выстроенную имъ. Несомнѣнно, болѣе глубокія причины заставили его принять столь острое рѣшеніе.

Онъ чувствовалъ, что тутъ не одинъ Стефанъ, но многіе среди братии недовольны за введеніе общежитія, за многія суровыя правила жизни, и рѣшилъ не разжигать страстей и предоставить иноковъ ихъ совѣсти. Вѣроятно, Высшее Водительство, всегда на-

правлявшее его, и здѣсь подсказало ему это рѣшеніе, ибо этимъ поступкомъ онъ, съ одной стороны, показалъ примѣръ великаго самоотреченія, нежеланіе служить причиною раздора и явить хотя бы намекъ на придержаніе къ власти, съ другой же, какъ бы налагалъ новое испытаніе на свою духовную паству, чтобы тѣмъ ярче выявить негодныхъ и отобрать лучшій элементъ, а также заложить еще одинъ духовный очагъ.

Итакъ, глухою ночью вышелъ онъ одинокій изъ столь любимой имъ Обители искать новаго подвига, новаго строительства. И на утро, усталый и запыленный, онъ у вратъ Махрищскаго Монастыря, основателемъ и настоятелемъ котораго былъ его другъ Стефанъ. Узнавъ о прибытіи Преподобнаго Сергія, Стефанъ велѣлъ ударить въ „било“ и со всею братіей спѣшить ему навстрѣчу. Поклонясь другъ другу до земли, ни одинъ не хочетъ подыматься первымъ. Наконецъ, Сергію, какъ пришедшему, пришлось уступить и благословить Стефана. Послѣ продолжительной бесѣды любви, Сергій рассказалъ ему о происшедшемъ въ его Обители и просилъ его дать ему проводника для отысканія мѣста для основанія новаго пустыннаго житія.

Обойдя многія пустынныя мѣста, Преподобный нашель подходящее мѣсто на рѣкѣ Киржачъ. Тамъ Преподобный и поселился и заложилъ основаніе храма во имя Благовѣщенія Пречистыя Богоматери. Но не долго оставался онъ въ одиночествѣ. Послѣ его ухода произошло смятеніе въ Обители. Большинство было глубоко огорчено. Наступившее тягостное настроеніе и безначаліе тотчасъ же послѣ ухода Преподобнаго

настолько потрясло духъ подвижниковъ, что нѣкоторые изъ нихъ стали удаляться въ другіе монастыри, а наиболѣе преданные рѣшили искать Преподобнаго. Долго странствовали они по необитаемымъ лѣсамъ Владимірской губерніи безъ всякаго успѣха. Пока, наконецъ, нѣкоторымъ изъ нихъ, шедшимъ мимо Махрищскаго Монастыря, удалось узнать отъ братіи монастыря о пребываніи своего Наставника. Въ великой радости одни изъ нихъ немедленно ушли къ Сергію на Киржачь, другіе же поспѣшили въ свою Обитель оповѣстить скорбѣвшую братію, и пришли позднѣ. Преподобный по прежнему съ любовью принималъ ихъ и вновь строилъ имъ кельи.

Онъ, всю свою жизнь искавшій уединенія, никогда не могъ остаться одинъ; чудесный Огонь, горѣвшій въ немъ, привлекалъ къ нему, хотя бы разъ увидѣвшихъ его. Всю свою жизнь онъ отказывался отъ власти, никогда никого ни въ чемъ не приневоливалъ, и болѣе всего любилъ богомысліе и трудъ, а люди жаждали его слова, его наставленія. Также никогда ни отъ кого не ждалъ онъ помощи. Для него вся помощь была въ немъ самомъ и въ Ведущей его Благодати. И можетъ быть, нигдѣ такъ ярко не сказалась эта черта „неоскуднѣнія духовнаго“, какъ въ его уходѣ на новое заложеніе и строеніе еще одной духовной твердыни.

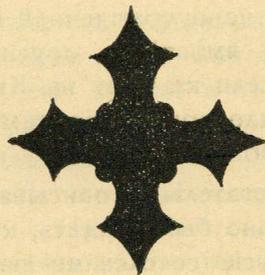
Когда разнеслась вѣсть, что Преподобный основываетъ новую Обитель, много подражателей пришло къ нему, монаховъ и мірскихъ. Князья и бояре дали денежные пособія на устроеніе новаго монастыря. При такомъ содѣйствіи работы по устройству новаго общежитія и церкви быстро подвигались.

Тѣмъ временемъ старцы, оставшіеся въ покинутой Обители, видя, что ихъ великая Обитель съ каждымъ днемъ пустѣетъ, рѣшили отправиться къ митрополиту Алексію съ просьбою о воздѣйствіи на Преподобнаго. Святитель общалъ имъ возвратить ихъ игумена и немедленно послалъ къ Сергію двухъ архимандритовъ Герасима и Павла съ посланіемъ, исполненнымъ искреннею любовью и признательностью ко всѣмъ подвижническимъ трудамъ Преподобнаго, и увѣщеваніемъ вернуться въ Обитель Пресвятыя Троицы и утѣшить плачущую въ разлукѣ братію. „Только не ослушайся насъ, и милость Божія и наше благословеніе всегда пребудутъ съ тобою“.

И принявъ Сергій, не отвергъ просьбу братіи и митрополита, и вернулся въ любимую Обитель свою. Святитель Алексій, глубоко чтившій его, немедленно прислалъ къ нему богатую утварь для новаго храма, освященнаго во имя Благовѣщенія, и вклады и дары для Обители Киржачской. Преподобный назначилъ своимъ преемникомъ, въ новоучрежденной Обители, ученика своего Романа, и вмѣстѣ съ другими, пришедшими изъ великой Обители къ нему на Киржачь, поручилъ ему хранить правило общежитія, самъ же вернулся въ свою Троицкую Обитель.

Епифаній трогательно описываетъ это возвращеніе: „умилительно было видѣть, какъ одни со слезами радости, другіе со слезами раскаянія, ученики бросились къ ногамъ Святаго Старца: одни цѣловали ему руки, другіе—ноги, третьи самую одежду его; иные, какъ малыя дѣти, забѣгали впередъ, чтобы налюбоваться на своего желаннаго Авву, и крестились отъ радости; со всѣхъ сторонъ слышались восклицанія“.

цанія: „Слава Тебѣ, Боже, обо всемъ Промышляющей! Слава Тебѣ, Господе, что сподобилъ Ты насъ, осиротѣвшихъ было, увидѣть нашего Отца.“ И Преподобный радовался духомъ, видя любовь и раскаяніе чадъ своихъ, утвердившихся въ опытѣ преданности и послушанія. Такъ Преподобный по своей величайшей кротости и чуждый всякаго насилія, изгнавшій себя изъ монастыря, дабы не встать на пути изгонявшихъ его, возвратился въ Обитель въ новомъ обаяніи своего облика, всѣми желаннаго, всѣми возлюбленнаго Отца и Заступника. Сергій побѣдилъ и достигъ высшаго, оставаясь вѣрнымъ своему основному правилу, что не насиліе, но свобода и любовь побѣждаютъ. Послѣ такихъ испытаній, послѣ очищенія Обители отъ негоднаго элемента, жизнь подвижниковъ Троицкой Лавры потекла мирно.

Уже съ половины жизни Обликъ Преподобнаго вошелъ въ сознаніе народа русскаго, какъ всенародный Учитель, Заступникъ и Ободритель. Кто можетъ исчислить, какое множество народа шло къ нему со всѣми своими нуждами, большими и малыми? Но слава о святости и мудрости Сергія распространилась по всей Руси и помимо воли выдвинула его и на поприще государственной дѣятельности.

Къ этому времени устанавливается и его великая дружба со Святителемъ Алексіемъ, утвержденнымъ въ званіи митрополита всея Руси. Святитель Алексій часто пріѣзжалъ въ Троицкую Обитель отдохнуть и посоветоваться съ мудрымъ Старцемъ. Эти два великіе подвижника, духовно соединенные узами любви и пониманія, въ полномъ единеніи работали на благо народа русскаго, всячески помогая духовному просвѣщенію и строительству Земли Русской. Можно сказать, что они явились наслѣдниками и продолжателями дѣла Св. Петра, перваго Митрополита Московскаго, по собиранію и укрѣпленію Московскаго Государства. Часты въ то время были междоусобія среди князей, оспаривавшихъ другъ у друга ханскій ярлыкъ на великокняжество, и митрополитъ Алексій, неоднократно, возлагалъ на Преподобнаго труднѣйшія, политическія порученія словомъ и убѣжденіемъ усмирить распри удѣльныхъ князей и привести ихъ къ признанію верховной власти Князя Московскаго. И настолько было велико обаяніе лич-

ности Преподобнаго, что самые упорные смирились передъ силою и мудростью его словъ.

Также около этого времени совершается величайшее дѣло по распространенію и насажденію новыхъ обителей учениками Преподобнаго. По разнымъ направленіямъ, широко намѣтились эти ячейки духовной культуры. Преподобный, кромѣ своей первоначальной Обители на Маковцѣ, самъ построилъ и Обитель Киржачскую. Кромѣ того, по порученію Великаго Князя Дмитрія Іоанновича, основалъ два Дубенскихъ Монастыря, затѣмъ Московскій Симоновъ Монастырь и Голутвинскій. Имъ же, по просьбѣ князя Владиміра Андреевича Храбраго, былъ заложенъ Монастырь Высоцкій въ Серпуховѣ. Преподобный Сергій помогалъ и митрополиту Алексію въ устройствѣ Московскаго Андронникова Монастыря. При чемъ всѣ мѣста для Обителей Преподобный избиралъ самъ лично, совершая всѣ эти многоверстныя передвиженія пѣшкомъ. Еще при жизни Преподобнаго ученики его были поставлены имъ игуменами въ основанныхъ имъ монастыряхъ. Такъ, Блаженный Романъ, первый игумень Киржачской Обители. Преподобный Андронникъ—настоятель Спасскаго Монастыря на рѣкѣ Яузѣ, изъ котораго вышли знаменитые иконописцы Даніилъ Черный и Андрей Рублевъ. Блаженный Сергій и Павелъ, основатели Борисоглѣбскаго Монастыря. Святой Феодоръ, племянникъ Преподобнаго, игумень Симоновскаго Монастыря. Преподобный Мефодій Яхромскій, основатель Свято-Никольскаго Пешнохскаго Монастыря. Преподобный Афанасій, первый игумень Серпуховскаго Высоцкаго Монастыря. Преподобный Авраамій, устроитель Обители на Галицкомъ озерѣ, построившій потомъ еще

три монастыря въ Чудской землѣ. Никонъ Радонежскій, котораго Сергій, за полъ года до своей кончины, поставилъ своимъ преемникомъ въ Троицкой Обители.

Духовными совѣтами Преподобнаго пользовались также подвижники Кириллъ и Ферапонтъ, основатели знаменитой Кирилло-Бѣлоозерской Обители на Бѣломъ Озерѣ. Преподобный Савва, основатель Монастыря Сторожевскаго. Преподобный Сильвестръ Обнорскій, игумень Воскресенскаго Монастыря на Обнорѣ. Преподобный Павелъ Камельскій или Обнорскій. Преподобный Сергій Нуромскій и Преподобный Дмитрій Прилуцкій. Іаковъ, основатель Предтеческой Желѣзнодорожной Обители. Ферапонтъ Можайскій и пр. . . Въ общемъ ученики и „собесѣдники“ Преподобнаго основали до 40 монастырей новаго типа, ученики его учениковъ еще около 60. Изъ Московской области, введенное Святымъ Сергіемъ, монастырское общежитіе распространилось на сѣверъ — въ обширную область Поморья и на западъ въ области Псковскую и Новгородскую.

Итакъ, по его почину, пустынное житіе широко распространилось въ Московской Руси. Въ XV и XVI в. всѣ лѣса сѣверной Руси населились пустынножителями, духовными чадами и подражателями Преподобнаго. Около этихъ уединенныхъ хижинъ быстро выросли новыя и новыя обители. Въ XV в. въ одной Московской Руси было основано до 57 пустынныхъ монастырей. Велико было историческое значеніе монастырей въ дѣлѣ строительства Россійскаго Государства, ибо, по завѣту Преподобнаго, они основывались въ мѣстахъ

пустынныхъ и дикихъ, и, конечно, привлекали къ себѣ населеніе, которому было удобнѣе и духовно радостнѣе и прочнѣе жить при нихъ. Такимъ образомъ, они явились истинными разсадниками жизни и просвѣщенія, своего рода колонизаторами; они развили земледѣліе, строительство, насаждали ремесла и на культурѣ духа закладывали основу государственности.

Итакъ, Святой Сергій явился отцомъ сѣвернаго русскаго монашества, основоположникомъ Святой Руси и также предтечею будущихъ старцевъ. Но, помимо того, велико было его значеніе и въ общегосударственной жизни народа. Мы видѣли, какъ неоднократно онъ улаживалъ распри между князьями, грозившія неисчислимыми бѣдствіями молодому государству. Онъ же скрѣпилъ своею подписью законъ о престолонаслѣдіи отъ отца къ сыну, положившій конецъ междоусобнымъ соискательствамъ, раздиравшимъ Землю Русскую. Но апофеозомъ дѣятельности Преподобнаго было его историческое благословеніе на страшную битву Великаго Князя Дмитрія. Онъ зналъ, какое слѣдствіе будетъ имѣть его слово, и принялъ на себя эту отвѣтственность. И слѣдствіемъ этого вдохновенія и ободренія была великая побѣда надъ вѣковыми утѣснителями. Побѣда эта явилась поворотнымъ пунктомъ въ исторіи молодого Московскаго Государства, несмотря на еще угрожавшее нападеніе враговъ, все же она настолько укрѣпила вѣру народа въ свои силы, настолько подняла духъ его, что Московское Государство смогло укрѣпиться, чтобы съ теченіемъ времени развиться въ Великую Державу Всероссійскую.

Около 1377 г. Митрополитъ Алексій, чувствовавшій себя уже старѣющимъ и слабымъ и давно лелѣявшій мысль оставить послѣ себя преемника Преподобнаго Сергія, рѣшилъ воспользоваться обычаемъ, установившимся у русскихъ Митрополитовъ, еще при жизни назначать себѣ преемника. По вызову Митрополита Преподобный явился къ нему, и посреди дружественной, духовной бесѣды Алексій приказалъ принести золотой „парамандный“ крестъ митрополичій, съ драгоценными камнями, и подаль его Преподобному. Но Святой просто отвѣтилъ:

„Прости мнѣ, Владыко, отъ юности я не былъ златоносцемъ и въ старости подобаетъ мнѣ быть въ нищетѣ.“

„Знаю, что таково было всегда твое житіе,“ отвѣтилъ Митрополитъ, „но теперь яви послушаніе и прими отъ меня даръ сей въ благословеніе.“ И самъ возложилъ на Преподобнаго крестъ. При этомъ онъ сообщилъ ему о возможномъ назначеніи Кипріяна въ Митрополиты и выразилъ ему всѣ свои опасенія и сомнѣнія въ этомъ человѣкѣ, тогда какъ Преподобнаго онъ настолько знаетъ, что съ великою радостью назначаетъ его своимъ преемникомъ. И снова просилъ его не отказываться, указывая и на то, что назначеніе его будетъ всѣми радостно принято, ибо таково желаніе отъ Великаго Князя до простыхъ людей. Но Сергій оставался непреклоненъ:

„Прости мнѣ, Владыко,“ говорилъ онъ, „ты хочешь возложить на меня бремя выше мѣры, но ты не найдешь во мнѣ того, что ищешь. И если не хочешь ты отогнать моей нищеты отъ слышанія твоей святости, не говори болѣе о томъ.“

Алексій понялъ, и не настаивалъ болѣе. Зналъ онъ твердую волю своего друга. Преподобный могъ дѣлать лишь то, къ чему былъ призванъ, лишь водителству внутреннему вѣрилъ онъ. И здѣсь онъ сумѣлъ убѣдить Святителя, что и для церкви лучше, если онъ будетъ продолжать свое дѣло.

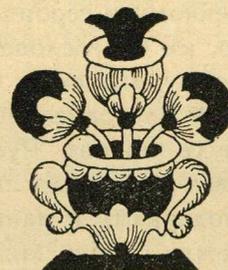
И въ этомъ случаѣ Преподобный выказалъ себя прозорливцемъ. Внутренній голосъ, или вѣрнѣе, Силы Высшія, водившія имъ, не предназначали его къ этой дѣятельности. Вскорѣ послѣ этого, 12-го февраля 1378 г., на 78-омъ году жизни умеръ Святитель Алексій, и тотчасъ же началась десятилѣтняя борьба за митрополичью кафедру. Печальная страница это была въ исторіи церкви.

Соперники, оспаривавшіе другъ у друга кафедру, были Архимандритъ Михаилъ, почему-то прозванный Митяемъ и бывший духовникомъ Вел. Кн., также епископъ Діонисій и Кипріанъ, но самымъ сильнымъ былъ Михаилъ. Всѣ эти соперники наперерывъ старались заручиться благословеніемъ Святого Сергія—столь великъ былъ его авторитетъ. Михаилъ, не добившись его, простеръ свою дерзость до того, что сталъ угрожать самому игумену Троицкой Обители за его якобы неодобреніе въ снисканіи имъ власти, и грозилъ разрушить Монастырь. Но Св. Сергій только говорилъ братіи:

„Митяй негодуеть на насъ и замышляетъ недоброе противъ насъ, но не увидитъ онъ Константинополя, не увидитъ по сему и сана митрополита.“

Пророчество Преподобнаго исполнилось. Архимандритъ Михаилъ, отправленный Великимъ Княземъ въ Константинополь, чтобы принять жезлъ Митропо-

лита, скоропостижно скончался въ пути. Послѣ этого Митрополитъ Кипріанъ въ 1381 году былъ вызванъ изъ Кіева въ Москву.

Велика была утрата въ лицѣ Святителя Алексія для молодого, еще неокрѣпшаго государства. Но великій князь Дмитрій, лишившись въ Святитель Алексіи своего заступника и главнаго совѣтника, нашель его въ Преподобномъ. Нравственное вліяніе Преподобнаго на князя Дмитрія было велико. Теперь мы подходимъ къ самому отвѣтственному и героическому времени въ жизни Преподобнаго, къ благословенію имъ русскаго воинства на великую Куликовскую битву.

Сдѣлаемъ краткій историческій обзоръ того времени. Уже около двухъ вѣковъ Русь томилась подъ игомъ татаръ. Князья то и дѣло путешествовали въ Золотую Орду съ подарками и данью къ ханамъ. Не имѣя единоклюбія между собою, князья и не помышляли свергнуть иго, столь тяжкое для Руси. Наоборотъ, они даже, во взаимной враждѣ за великокняжескій ярлыкъ, не разъ сами приглашали на помощь себѣ татаръ. Много кровавыхъ страницъ хранить исторія этого періода русской исторіи. Но, наконецъ, Московскимъ князьямъ, поддержаннымъ церковью, удалось сосредоточить великокняжескую власть въ своихъ рукахъ и начать великое дѣло собиранія и строительства Русскаго Государства. Первымъ митрополитомъ, перенесшимъ свою Митрополию въ Москву и тѣмъ закрѣпившимъ значеніе Москвы для всей Руси, былъ Петръ. Его выдающійся умъ прозрѣвалъ въ будущее, и ему удалось даже завоевать уваженіе хановъ къ Русской Церкви. По преданію онъ предсказалъ величіе Москвы, хотя самъ и жилъ еще во время могущества

Орды. Преемникъ его Алексій уже видѣлъ зарницы этого величія, Сергію же выпала величайшая историческая миссія нравственно поддержать и благословить великаго князя Дмитрія на первое пораженіе татаръ.

Когда въ 1375 году Дмитрій двинулся на Михаила Тверского, своего главнаго внутренняго противника, происками исхлопотавшаго себѣ отъ Золотой Орды великокняжескій ярлыкъ, то его уже поддерживало большинство князей, и ему удалось разбить Михаила и принудить его къ отказу отъ всѣхъ притязаній. Дмитрій уже не такъ считался съ Ордою. Новый духъ, сознаніе единства соединялъ князей, измѣнилось и сознаніе народа; видя единеніе среди своихъ вождей, народъ окрѣпъ духомъ, страхъ передъ врагомъ сталъ утихать, и явилось сознаніе своего права и достоинства.

Въ Золотой Ордѣ, въ это время, ханомъ былъ Мамай и, конечно, онъ не могъ отнестись спокойно къ выказанному пренебреженію его указу и къ растущей самостоятельности Дмитрія, и онъ началъ посылать новые карательные отряды на Русь.

Въ 1377 г. татары неожиданнымъ набѣгомъ разграбили Нижній, и въ 1378 году была выслана новая рать подъ водительствомъ мурзы Бегича, но Дмитрій обходомъ и стремительнымъ натискомъ нанесъ первое пораженіе татарамъ на рѣкѣ Вождѣ. Событіе это сильно подняло духъ народа русскаго.

Съ этого времени Мамай рѣшилъ похоронить всякую память о Россіи подъ развалинами и пепломъ. Онъ собралъ всю Волжскую Орду, сговорился съ Литовскимъ княземъ Ягелло и русскимъ княземъ Олегомъ Рязанскимъ, и лѣтомъ въ 1380 г. поставилъ свою

ставку при устьѣ рѣки Воронежа. Время для Руси настало грозное. Митрополитъ Алексій уже умеръ, новаго митрополита еще не было, ибо въ церкви происходили смуты соискательства. И тутъ выступилъ во всей силѣ своего обаяніи Преподобный Сергій. Кто же другой могъ поднять весь народъ и вдохнуть такую несокрушимую вѣру въ правоту дѣла, слѣдовательно и въ побѣду? Самый мирный Подвижникъ, чуждый всякому насилію, безъ колебанія благословляетъ князя и воинство его на подвигъ за правое дѣло, за народъ, за Русь.

18-го августа Дмитрій со многими князьями и воеводами ѣдетъ въ Обитель за послѣднимъ благословеніемъ Преподобнаго передъ страшнымъ боемъ. Можно себѣ представить, сколь сурово и торжественно было это молебствіе и напутствіе! Князь спѣшитъ къ своимъ храбрымъ сподвижникамъ, ибо гонцы, одинъ за другимъ, приносили вѣсти о передвиженіи врага, но Преподобный просить, чтобы онъ отслушалъ божественную Литургію и остался къ трапезѣ:

„Обѣдъ сей тебѣ, Государь, будетъ на пользу.“ И среди трапезы Преподобный исполнился пророческаго духа и воскликнулъ: „Господь Богъ, тебѣ, помощникъ. Еще не пришло время тебѣ самому носить вѣнецъ сей побѣды съ вѣчнымъ сномъ, прочимъ же многимъ сотрудникамъ твоимъ плетутся вѣнцы мученическіе съ вѣчною памятью.“ Послѣ трапезы, осѣнивъ крестомъ и святою водою князя и воеводу, Преподобный Сергій, можетъ быть, желая еще разъ утвердить въ мысляхъ всѣхъ присутствовавшихъ правоту подвига ихъ, и что иного выхода не остается, обращается къ князю со словами: „Подобаетъ тебѣ, Господине, заботиться

о стадѣ, порученномъ Богомъ, и выступить противъ безбожныхъ,“ и затѣмъ вопрошаетъ — „все ли ты сдѣлалъ, всѣ ли мѣры использовалъ, чтобы предотвратить страшную битву?“ И князь отвѣтилъ, что онъ все сдѣлалъ, но безуспѣшно.

„Если такъ,“ сказалъ Сергій, „то врага ждетъ конечное погубленіе, а тебя помощь и слава отъ Господа.“

Князь, въ глубокомъ душевномъ волненіи, внималъ словамъ Преподобнаго и припалъ къ ногамъ его для послѣдняго благословенія. Осѣнивъ его еще разъ крестомъ, Преподобный тихо сказалъ ему: „Иде же, Господине, небоязненно. Господь поможетъ тебѣ на безбожныхъ враговъ, ты побѣдишь враги твоя!“

Окрыленный и обнаженный словами Преподобнаго, Дмитрій спѣшитъ къ воинству своему. Преподобный же, проводивъ князя, почти безвыходно пребывалъ со своею братіей въ церкви, посылая всю силу духа своего на помощь великому дѣлу. Находясь въ великомъ духовномъ подъемѣ, Преподобный въ прозрѣніи увидѣлъ необходимость еще разъ укрѣпить мужество воинства и рѣшилъ послать великому князю съ собственноручной грамотой двухъ иноковъ, подвизавшихся въ числѣ братіи, Александра-Пересвѣта (бывшаго боярина Брянскаго) и Андрея-Ослябя (боярина Любецкаго), мужество которыхъ и искусство воинское было еще у всѣхъ въ памяти; за необыкновенную силу они прослыли богатырями. Этихъ-то иноковъ Сергій и избралъ помощниками князю, чтобы они своимъ мужествомъ, какъ всецѣло отдавшіе себя Богу, послужили примѣромъ его воинству. И какъ бы прозрѣвая ихъ близкую кончину, Преподобный облекъ

ихъ въ великую схиму. И, вручая имъ для передачи князю грамоту, оканчивавшуюся словами: „чтобы ты, Господине, такъ и шель впередъ, а поможетъ ти Богъ и Святая Богородица,“ сказалъ: . . . „Миръ вамъ, возлюбленные о Христѣ братіе! Мужайтесь. . . приспѣло время вашей купли.“

Тѣмъ временемъ Дмитрій съ воинствомъ подошелъ къ Дону, и воеводы заколебались—переходить ли имъ Донъ, ибо въ случаѣ отступленія путь будетъ отрѣзанъ. Потому можно себѣ представить, какое впечатлѣніе произвела вѣсть о прибытіи такихъ необычныхъ посланцевъ съ грамотой Преподобнаго, пророческой и указующей идти впередъ. Великій Заступникъ Земли Русской какъ бы самъ посѣтилъ и благословилъ на побѣду воинство русское. Посѣщеніе это въ столь важную и рѣшительную минуту повліяло на исходъ всей битвы. Теперь и самыя слабыя сердца запылали храбростью и жаждою подвига. Дмитрій, принявъ личное начальство надъ воинствомъ, смѣло повелъ свои полки на Куликово поле.

Наступилъ грозный день битвы (8 сент. 1380 г.). Приводимъ прекрасное описаніе приготовленія къ этому бою у Бориса Зайцева.

„8-ое сентября 1380 года! Хмурый разсвѣтъ, Донъ и Непрядва, Куликово поле и духъ Слова о Полку Игоревѣ! Русь вышла снова въ степь, мѣряться со звѣремъ степи. Какъ все глубоко, напряженно и серьезно! Передъ сраженіемъ молятся. Читаютъ „ратямъ“ грамоту Преподобнаго. Надъ ставкой стягъ великокняжескій, съ золотымъ образомъ Спасителя. Осенніе туманы, медленный разсвѣтъ, хладно-серебряный. Роса, утренній холодъ. За Непрядвой не

то стоны, не то грохотъ дальній. Люди умываются, подтягиваютъ у коней подпруги, надѣваютъ чистыя рубахи, и въ послѣдній разъ оружіе свое отрагиваютъ. Строятся. Идутъ на смерть. . .“

„Къ полудню показались и татары. Дмитрій выѣхалъ драться лично, „въ первомъ суймѣ,“ передовой стычкѣ. Таковъ обычай. Раненъ не былъ, но dospѣхъ помяли. Тутъ же, по преданію, на зовъ татарскаго богатыря, выскакалъ Пересвѣтъ, давно готовый къ смерти, и схватившись съ Челибеемъ, поразивъ его, самъ палъ. . .“

„Началась общая битва, на громадномъ по тѣмъ временамъ фронтѣ въ десять верстъ. Сергій правильно сказалъ: „многимъ плетутся вѣнки мученическіе.“ Ихъ было сплетено не мало. . .“

Преподобный же въ эти часы находился со всею братіей въ церкви, тѣло его было здѣсь, но духомъ онъ былъ тамъ, гдѣ совершалась судьба Россіи. Передъ его духовными очами проходили всѣ перепетіи боя, онъ сообщалъ братіи о ходѣ битвы, отъ времени до времени называя имена павшихъ воиновъ, и тутъ же читалъ заупокойныя молитвы за нихъ. Наконецъ, онъ возвѣстилъ о совершенномъ пораженіи враговъ и воздалъ со всею братіей благодареніе Богу.

Предсказаніе Преподобнаго Сергія исполнилось. По возвращеніи своемъ Дмитрій, уже во славу Донского героя, немедленно ѣдетъ къ Преподобному, чтобы вознести благодареніе Господу и принять благословеніе Сергія. Трогательна была встрѣча. Вновь служили молебствіе, но и панихиды, потери были огромныя.

Но велико было значеніе побѣды. Она еще

больше подняла духъ народа и почитаніе Преподобнаго еще болѣе возрасло. Но не успѣла еще Русь окрѣпнуть отъ страшной Куликовской битвы, какъ уже нагрянулъ новый ударъ. Тохтамышъ, разбивъ Мамаю и завладѣвъ его ханствомъ въ Золотой Ордѣ, пошелъ на Русь и, пользуясь измѣною Рязанскаго князя Олега, двинулся секретными дорогами на Москву. Дмитрій вынужденъ былъ бѣжать на сѣверъ, въ Кострому и Переяславль собирать войско. Тѣмъ временемъ Кремль, оставшійся безъ князя, былъ предательски захваченъ татарами. Тохтамышъ, опустошивъ Москву и окрестности ея, разорилъ города Юрьевъ, Звенигородъ, Можайскъ, Боровскъ и др., но прослышавъ, что великій князь идетъ ему въ тылъ, не дойдя до Троицкой Обители, быстро удалился. Покровъ Силь Высихъ не допустилъ разгромена Святыни, прославленной подвигами Преподобнаго, и вражескія руки не коснулись священной Обители.

Страшны были татары, но еще страшнѣе и губительнѣе для Земли Русской были все еще продолжавшіеся раздоры между князьями. Какъ извѣстно, нѣкоторые изъ нихъ, въ своемъ противодѣйствіи укрѣпленію Московскаго вел. князя, вступали даже въ союзъ съ врагами—татарами и литовцами. Преподобный Сергій, вмѣстѣ со Святителемъ Алексіемъ, и послѣ него, всѣчески содѣйствовалъ умиротворенію такихъ раздоровъ и укрѣпленію власти вел. князя Московскаго. Такъ, въ 1365 году онъ посѣтилъ Нижній Новгородъ и склонилъ князя Бориса Конст., захватившаго этотъ городъ у своего брата кн. Дмитрія, вернуть его и признать власть вел. кн. Московскаго. Такъ и въ 1385 году вел. кн. обратился къ Преподобному съ просьбою

уладить его отношенія съ грознымъ и неукротимымъ кн. Олегомъ Рязанскимъ, давнишнимъ врагомъ Москвы и союзникомъ Мамаю и Ольгерда. Вся жизнь этого вѣроломнаго князя прошла въ интригахъ и походахъ, и не разъ способствовалъ онъ и ханскимъ нашествіямъ на Землю Русскую. Многихъ пословъ посылалъ Дмитрій къ Олегу, но высококомѣрный князь никого не хотѣлъ слушать. Тогда вел. князь обратился къ Преподобному. И вотъ Сергій, уже 70-ти лѣтній старецъ, идетъ въ Рязань, чтобы утвердить прочный миръ между князьями. Чудный Старецъ долго бесѣдовалъ съ суровымъ княземъ и своимъ огненнымъ духомъ и словами сердца привелъ его въ такое умиленіе, что уговорилъ заключить вѣчный союзъ съ вел. княземъ Дмитріемъ.

Искреннюю любовь и уваженіе питалъ къ Преподобному самъ вел. кн. Дмитрій и во всѣхъ трудныхъ вопросахъ обращался къ нему за совѣтомъ, нерѣдко и самъ навѣщалъ его. Преподобный былъ воспріимникомъ дѣтей его, и даже духовная князя скрѣплена подписью Преподобнаго. Въ этой духовной навсегда былъ установленъ порядокъ престолонаслѣдія отъ отца къ сыну; такимъ порядкомъ былъ положенъ еще одинъ камень основанія Великаго Русскаго Государства. Преподобный Сергій присутствовалъ и при кончинѣ вел. кн. Дмитрія въ 1389 году.

Во второй половинѣ XIV вѣка съ православнаго Востока стало проникать, въ міръ славянскій, ученіе Григорія Синаита, такъ называемое, „умное дѣланіе“, конечная цѣль котораго состояла въ установленіи постояннаго памятованія или, вѣрнѣе, черезъ памятованіе введеніе въ сердце непрерывнаго общенія съ Силами Высшими; для чего давались многія предписанія и даже чисто механическіе пріемы этого умственного достижения. Нигдѣ не находимъ указаній, чтобы Преподобный примѣнялъ это „умное дѣланіе“ въ своемъ ученіи, вѣрнѣе предположить, что онъ даже запрещалъ его. Ибо на личномъ опытѣ онъ зналъ, что постоянное общеніе съ Іерархіей Свѣта достигалось, прежде всего и проще всего, путемъ раскрытія сердца. Раскрытіе же сердца не требовало затраты времени ни на какія упражненія исключительно для себя. Среди сознательнаго и священнаго труда во имя Свѣтлой Іерархіи совершалось это любовное раскрытіе, и въ сердцѣ устанавливался постоянный престоль во имя Высшаго. Въ познаніи сердца, этого великаго и единственнаго двигателя и мѣрилы духовности, Преподобный опередилъ многихъ духовныхъ путниковъ. Именно онъ нашель силу этого источника и черезъ него пріобщился къ Міру Огненному; объ этомъ ярко свидѣтельствуютъ его пламенные видѣнія.

Приводимъ ихъ, какъ они описаны въ жизнеописаніи. Исаакій, ученикъ Преподобнаго, котораго онъ желалъ видѣть игуменомъ монастыря на Киржачѣ, просилъ его благословить на подвигъ молчанія. Сергій, не

желая насиловать, уступилъ просьбамъ своего любимаго ученика. Въ условленный день, послѣ совершения литургіи, выйдя изъ Сѣверныхъ вратъ, онъ обратился къ стоящему около нихъ Исаакію и осѣнилъ его въ благословеніи на трудный подвигъ крестнымъ знаменіемъ. И увидѣлъ Исаакій, что изъ Руки Преподобнаго „исходитъ пламень и объемлетъ его.“ Онъ сталъ молчалиникомъ, когда же ему хотѣлось говорить, передъ духовными очами его вставалъ пламень руки Сергія и ограждалъ его отъ нарушенія обѣта. Лишь объ этомъ случаѣ и еще въ другомъ онъ вынужденъ былъ нарушить свое молчаніе.

Однажды литургію служили Сергій, братъ его Стефанъ и племянникъ Феодоръ; Исаакій и Макарій стояли въ церкви. Вотъ видитъ Исаакій въ алтарѣ четвертаго, чуднаго Образомъ, сослужащаго имъ. На первомъ выходѣ съ Евангеліемъ, Онъ шель за Преподобнымъ и весь Обликъ Его такъ сіялъ, что Исаакій не могъ смотрѣть на Него, и чудо это разрѣшило уста его, и онъ спросилъ рядомъ стоявшаго Макарія, который, казалось, тоже видѣлъ необычайное явленіе, не знаетъ ли онъ, кто сей дивный Мужъ? „Не знаю“, отвѣтилъ Макарій, „но меня объемлетъ страхъ, когда я взираю на Него“.

По окончаніи литургіи оба ученика обратились къ Сергію, прося объяснить видѣнное ими. Сергій вышелъ изъ церкви, не промолвивъ ни слова, но когда вошелъ въ келію свою сказалъ имъ:

„Чада мои, если Господь уже открылъ вамъ тайну сію, то и я не могу утаить отъ васъ, что видѣнный вами былъ Ангель Господень, и не только теперь, но и всегда бываетъ такое посѣщеніе Божіе мнѣ, недо-

стойному, во время совершения Божественной Литургии, Вы же сохраните сіе втайнѣ до исхода моего.“

Въ другое время Преподобный также служилъ литургію, и въ алтарь стоялъ его ученикъ, Симонъ еkkлeсiархъ, и тоже сподобился чудеснаго видѣнія. Во время пѣнія „Тебѣ поемъ“ огонь спалъ, „какъ бы съ неба, и ходилъ по престолу, объемля свѣтомъ окрестъ весь алтарь,“ и окружая священнодѣйствующаго Сергія. При приобщеніи же имъ Св. Даровъ, свился божественный огонь и вошелъ внутрь потира. Такъ Преподобный причастился огня неопалимаго. Въ трепетномъ безмолвіи стоялъ его ученикъ. Но Сергій духомъ прозорливости понялъ, что ученикъ сподобился видѣнія, и спросилъ его причину потрясшаго его трепета? — „Я видѣлъ благодать Святаго Духа, дѣйствующую съ тобою,“ отвѣчалъ Симонъ. Но Сергій запретилъ ему возвѣщать кому-либо о видѣнномъ до дня его ухода.

Красиво отмѣчено это явленіе въ книгѣ Бориса Зайцева:

„Свѣтъ и Огонь! Легкій небесный пламень, какъ бы родствененъ, друженъ теперь съ Преподобнымъ. „Другъ мой Свѣтъ,“ „Другъ мой Пламень,“ могъ сказать пронизанный духовностью, наполовину вышедшій изъ міра, Сергій. И не удивить рассказъ еkkлeсiарха Симона, видѣвшаго, какъ огонь небесный сошелъ на Св. Дары при освященіи ихъ Сергіемъ, „озарялъ алтарь, обвиваясь около трапезы и окружая священнодѣйствующаго Сергія.“

Воистину, вся жизнь Преподобнаго могла быть выражена словами: „Нынѣ, Силы Небесныя съ нами невидимо служатъ.“

Отмѣчены въ жизнеописаніи случаи прозорливости Преподобнаго. Одинъ изъ нихъ связанъ съ именемъ друга его Святителя Стефана Пермскаго. Чудо это записано за два года до смерти Преподобнаго. Спѣша въ столицу, по дѣламъ церкви, Святитель Стефанъ, проѣзжая и находясь въ девяти верстахъ отъ Троицкой Обители, и не имѣя времени навѣстить своего друга, велѣлъ остановить лошадей и, вставъ, покосился въ сторону Обители со словами: „Миръ тебѣ, духовный братъ!“ Преподобный сидѣлъ въ это время за трапезой съ братіей, и духомъ прозрѣвъ такое привѣтствіе, всталъ и, на глазахъ удивленной братіи, отвѣсилъ низкій поклонъ и произнесъ:

„Радуйся и ты, Христовъ пастырь, миръ Божій да пребываетъ съ тобою.“

Преподобный объяснилъ удивленнымъ свидѣтелямъ, что онъ привѣтствовалъ епископа Стефана, который съ пути послалъ имъ благословеніе. Въ воспоминаніе этого случая въ Лаврѣ до послѣдняго времени сохранялся трогательный обычай, каждый день во время трапезной, по данному знаку, братія встаетъ, и читается краткая молитва.

Можно сказать, что вся жизнь Преподобнаго была постояннымъ прозрѣніемъ въ далекое и близкое будущее. Только огненнымъ напряженіемъ и приобщеніемъ достигалъ онъ этого труднаго качества. Преподобный зналъ это великое обостреніе чувствъ. Всѣ приходившіе къ нему находили неувядаемую свѣжесть сердца. И не какимъ-то особымъ приемомъ, но простымъ открытіемъ сердца достигалъ онъ этого постоянного обостренія чувствъ, преобразавшаго каждоднев-

ность подвига въ радостное и торжественное служеніе на благо ближнему.

Къ концу жизни Преподобному Сергію явлено было чудесное видѣніе, неразрывно связанное въ послѣдствіи со многими его посмертными чудесами.

Несомнѣнно, у Сергія было глубокое почитаніе Богоматери; тому свидѣтельствуется и второй основанный имъ Монастырь на Киржачѣ во имя Благовѣщенія, также и его послѣднія слова, обращенныя къ братіи, въ которыхъ онъ ввѣрялъ любимую паству и Обитель Покровительству и Заступничеству Пречистой. Но болѣе всего, конечно, подтверждаетъ это чудесное видѣніе Пречистой на закатѣ дней его. Это благодатное видѣніе явилось какъ бы завершеніемъ всего пройденнаго имъ пути Огненнаго Служенія и утвердило созданное имъ дѣло. Нѣкоторые относятъ его къ 1387 году, въ одну изъ пятницъ Рождественскаго поста. Въ эту незабвенную ночь для Троицкой Обители, когда вся братія спала мирнымъ сномъ, Святой же Сергій горячо молился передъ иконою Божьей Матери; совершивъ обычное свое правило, онъ сълъ немного отдохнуть. Тутъ же находился его келейникъ Михей. Внезапно Преподобный воспрянулъ и сказалъ ему:

„Чадо, трезвьись и бодрствуй, сейчасъ имѣеть быть намъ чудесное посѣщеніе,“ и едва произнесъ онъ, какъ услышанъ былъ голосъ: „Се Пречистая грядеть.“

Святой Сергій поспѣшилъ въ сѣни, и тутъ осѣнилъ его ослѣпительный свѣтъ, ярче солнечнаго, и онъ тѣлесными глазами увидѣлъ Царицу Небесную съ Апостолами Петромъ и Іоанномъ, блиставшими

свѣтомъ несказаннымъ. Преподобный, не будучи въ силахъ вынести объявшаго его трепета, палъ на землю. Пречистая прикоснулась къ нему рукою и сказала:

„Не ужасайся, избранникъ мой. Услышана молитва твоя, не скорби больше объ ученикахъ твоихъ, и объ Обители своей не скорби болѣе. Ибо отнынѣ она всѣмъ будетъ изобиловать, и при жизни твоей и по смерти твоей неотступна буду Я отъ Обители твоей.“ Сказавъ это, Пречистая стала невидима.

Преподобный, исполненный великаго потрясенія, пребывалъ какъ бы въ изступленіи ума. Прійдя въ себя, онъ нашелъ Михея, лежащаго замертво. Очнувшись, Михей сталъ спрашивать: „Отче, что значить это ужасное и чудное видѣніе, ибо душа моя отъ ужаса едва не разрѣшилась отъ тѣла?“ Но Преподобный и самъ еще не могъ говорить отъ великаго трепета, охватившаго его, и такъ стояли они другъ противъ друга, въ безмолвіи и въ удивленіи. По истеченіи нѣкотораго времени, придя окончательно въ себя, Преподобный послалъ Михея позвать иноковъ Исаака и Симона, и передалъ имъ всѣ подробности благодатнаго Посѣщенія. Послѣ радостныхъ, духовныхъ и сердечныхъ восхищеній было совершено молебствіе, иноки разошлись по кельямъ. Но Преподобный всю ночь провелъ безъ сна, слишкомъ полна была его душа восторгомъ неизреченнымъ.

Въ 1388 г. Преподобный похоронилъ любимаго ученика своего Исаакія молчальника, а въ 1392 г. преставился и Михей, жившій въ одной келіи со своимъ наставникомъ и свидѣтель многихъ чудесъ, совершенныхъ Сергіемъ, и удостоенный, наконецъ, видѣнія

Небесной Зари и Свѣта необычайнаго, окружавшаго посѣтившую ихъ Богоматерь.

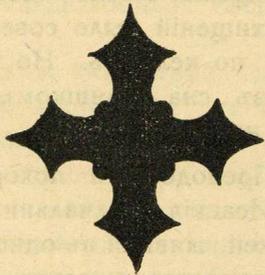
Послѣ этого Посѣщенія и той духовной высоты, которой достигъ Преподобный, онъ уже не долго жилъ. За полъ года до своей кончины Преподобный получилъ откровеніе о своемъ исходѣ. Призвавъ братію, онъ вручилъ управленіе Обителью своему ученику преподобному Никону, самъ же удалился въ келью, въ полный затворъ, пребывая въ безмолвіи.

25 сент. 1392 г. на 78-омъ году отъ рожденія, приобщившись Святыхъ Даровъ, принесенными въ его келью, Св. Сергій благословилъ собравшуюся вокругъ него братію, сказавъ:

„Вотъ я отхожу къ Богу, меня призывающему, васъ же предаю Господу и Его Матери.

Она, да будетъ вамъ прибѣжищемъ и стѣною крѣпкою отъ сѣтей вражескихъ.“ Послѣ чего мирно отошелъ.

По свидѣтельству братіи, въ моментъ преставленія ликъ Преподобнаго озарился свѣтомъ, и необыкновенное благоуханіе наполнило келью.

Прозрѣніе народа въ высокую духовную сущность Преподобнаго особенно ярко отразилось въ преданіяхъ, относящихся къ его рожденію и младенческому состоянію.

Такъ рассказываетъ, что мать его однажды была въ храмѣ и во время пѣнія Тропаря Пречистой Троицы, младенецъ, находившійся въ утробѣ ея, трижды выгрался и вскричалъ. Также въ младенствѣ его, если матери случалось обремениться скоромной пищей, младенецъ съ трудомъ бралъ сосцы, въ постные же дни и вовсе отказывался принимать.

Въ такихъ преданіяхъ народъ, въ своемъ сердечномъ прозрѣніи передавалъ въ доступныхъ ему образахъ ту истинную огненную сущность Преподобнаго Сергія, которая была недоступна грубымъ чувствамъ.

На преданія и легенды нельзя смотрѣть, какъ на выдумки и ложь, ибо именно въ нихъ выраженъ синтезъ видимаго съ невидимымъ — прозрѣніе въ тотъ Міръ, гдѣ огненными знаками начертана истинная сущность духа человѣческаго. Въ легендахъ народъ выявляетъ свои чаянія и достиженія. Потому относимся внимательно ко всѣмъ свидѣтельствамъ глубокаго непосредственнаго сердечнаго чувства.

Епифаній, жизнеописатель Преподобнаго Сергія, далъ намъ трогательный бытовой обликъ, сквозь который сіяетъ свѣтъ незримый, но онъ безсиленъ, да и вообще кто можетъ повѣдать о его внутренней духовной жизни, о ея таинственной глубинѣ. Но все же личный, духовный и неповторяемый опытъ Преподобнаго озаряется для насъ его пламенными видѣніями, они, какъ огненные вѣхи, указуютъ намъ пройденный имъ путь въ Обитель Горнюю. Изъ самихъ словъ, сказанныхъ имъ свидѣтелямъ его огненныхъ видѣній, можно видѣть, что для него самого они были даже обычны. Значитъ, сколь высоко должно было быть его духовное преображеніе, чтобы выдерживать такія пламенные проявленія общенія съ Обителью Огненной! Воистину, съ Сергіемъ „говорили Горнія Силы на языкѣ Огня и Свѣта!“ Воистину, онъ былъ избранникомъ Высшихъ!

Вся жизнь Преподобнаго отъ самаго дѣтства носитъ на себѣ печать этой избранности. Таинственный схимникъ, его пророческія слова, уже являются первыми вѣхами его предназначеннаго пути. Намъ довелось слышать, въ устной передачѣ, преданіе, живущее среди народа, что таинственный схимникъ передалъ отроку Варфоломею и чудесный камень съ указаніемъ зарыть его въ опредѣленномъ мѣстѣ. Нигдѣ

не записано, гдѣ зарыть камень, но придетъ время и будетъ указано это мѣсто. Такъ еще живо въ народѣ пониманіе той духовной силы, которая въ теченіе многихъ столѣтій питала Землю Русскую.

Само избраніе имъ мѣста для пустыннаго житія, не было ли оно также предназначено Руководившими имъ Силами Горними? Не могъ ли духомъ прозрѣть чудный юноша все великое значеніе этого мѣста? И развѣ вся послѣдующая жизнь его не есть плано-мѣрное раскрытіе тайнъ духовныхъ. И развѣ не приобщался онъ „пламени неопалющаго“? Развѣ не сослужилъ ему Духъ Пламенный? И не преступила ли Сама Пречистая порогъ сѣней келіи его? Все это, наряду съ его великимъ самоотреченіемъ и приношеніемъ всего себя на служеніе ближнимъ, съ принятіемъ на себя отвѣтственности духовнаго водительства цѣлаго народа, страны, и огненнымъ благословеніемъ напутствовавшаго воинство въ рѣшительную битву, духовно съ Силами Небесными приобщаясь къ ней, дѣлаетъ его обликъ неповторенно прекраснымъ, сіяющимъ Мощью Огненной Великаго Вождя и Строителя.

Могутъ спросить—почему же Сергій не послѣдовалъ за Княземъ на битву? Неужели онъ не могъ покинуть Монастырь? Неужели онъ считалъ такую битву недостаточно значительной? Неужели онъ не желалъ руководить княземъ во время битвы?

Конечно, инья соображенія остановили Преподобнаго въ Монастырѣ. Если битва была рѣшающей, то и духовное руководство должно было быть чрезвычайнымъ. Лишь на мѣстѣ, у Престола Огненнаго, Сергій умножалъ свою силу. Въ такую минуту требовалась соединенная мощь Свѣта и Преподобный

сердцемъ сослужилъ съ Силами Невидимыми. Такъ воинъ Сергій избралъ дозорную башню, чтобы нести несмѣнную стражу. Не могутъ силы возрастать въ смятеніи битвы, но лучъ Свѣта идетъ за воинами изъ Обители Огненной. Такъ нужно понимать мудро распределеніе силъ.

Можетъ быть не самъ Сергій остановилъ себя въ монастырѣ. Можетъ быть онъ очень стремился съ Княземъ. Можетъ быть Сослужитель Огненный шепнулъ ему—„Останься здѣсь, гдѣ уже созданъ Престоль Огненный.“ Не пребывалъ ли онъ все время битвы въ непрестанномъ бдѣніи, въ духовномъ подъемѣ и прозрѣніи всего хода битвы? Можетъ быть онъ направлялъ Легіоны Небесные на осуществленіе Новой Зари?

Почему обликъ Преподобнаго такъ мощно запечатлѣлся въ народномъ сознаніи?

Почему народъ такъ возлюбилъ его и поставилъ выше другихъ Подвижниковъ?

Народъ инстинктивно чуялъ, что вся жизнь Преподобнаго была самоотверженнымъ служеніемъ во благо ближнихъ. Народъ чуялъ, что въ сердцѣ его звучала боль міра, что онъ всего себя полагалъ на пользу міра и тѣмъ зажигалъ свое прозрѣніе.

Вѣдь не мало мужества нужно было, чтобы утвердить государственныя дѣла по своему внутреннему прозрѣнію. Онъ зналъ, давая совѣтъ Вел. Кн. и благословляя его на великую рѣшительную битву, какія послѣдствія будутъ имѣть его указанія, и принялъ на себя отвѣтственность. Принятіе отвѣтственности всегда почиталось, какъ испытіе Чаши. И Огненный Духъ

Преподобнаго зналъ, какъ нужна эта Чаша міру, и принялъ и вознесъ ее.

Каждое слово, каждое дѣйствіе Преподобнаго носило на себѣ печать убѣдительности. Той убѣдительности, которая, даже поверхъ основной мудрости, покоряетъ себѣ. Когда каждый, въ глубинѣ существа своего, сознаетъ, что такъ и должно быть и не можетъ быть иначе. Конечно, и это качество, прежде всего, вытекало изъ Благодати общенія съ Хранителями Невидимыми, неизмѣнно пребывавшей въ сердцѣ его.

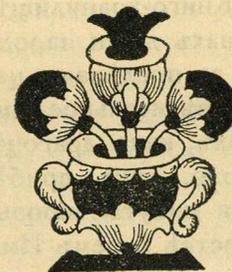
Сергій это живая связь съ Міромъ Огненнымъ!

Можетъ быть ничто такъ неприложимо къ облику Преподобнаго, какъ опредѣленіе Духотворца. Именно вся жизнь его была непрестаннымъ духотвореніемъ. Народъ чужалъ этотъ священный даръ и стекался къ нему со всѣхъ сторонъ, чтобы пріобщиться и почерпнуть этой незримой и несказуемой мощи. Чѣмъ же иначе объяснить то живительное дѣйствіе, то высоко ободряющее и возносящее вліяніе, то чувство духовной крѣпости, которое ощущали и уносили съ собою всѣ окружавшіе и приходившіе къ нему?

Такъ, по преданію тѣхъ же безымянныхъ странниковъ, братія утверждала, что около Преподобнаго все оживало и даже злаки лучше росли. И не перечестъ тѣхъ, кто въ видѣніяхъ и во снахъ получали совѣтъ и помощь Преподобнаго въ тѣлесныхъ и духовныхъ нуждахъ своихъ. Днемъ и ночью духъ его бодрствовалъ надъ возлюбленнымъ народомъ.

Какъ Пламень неугасимый и неисчерпаемый, стоитъ онъ и сейчасъ на дозорѣ, сердцу и духовнымъ очамъ доступный и зримый.

Множество свѣтильниковъ Земли Русской зажглось около Огня его, еще больше, можетъ, предстоить
Неисповѣдимы пути духа . . .

Изъ статьи Николая Рериха „*Душа Народовъ.*“

Какъ бы ни болѣло сердце русское, гдѣ бы ни искало оно рѣшенія правды, но Имя Святого Сергія Радонежскаго всегда останется тѣмъ прибѣжищемъ, на которое опирается душа народа. Будетъ ли это великое Имя въ Соборѣ, будетъ ли оно въ Музеѣ, будетъ ли оно въ Книго-хранилищѣ, оно неизмѣнно пребудетъ въ глубинахъ души народной.

Опять далеко за предѣлами церковнаго подвига строительное и просвѣтительное Имя Святого Сергія хранится въ сердцахъ, какъ драгоценнѣйшій Ковчегъ Духа. Хранится оно, какъ прибѣжище народнаго сознанія, въ трудныя минуты міровыхъ перепутій. Не затемнится въ существѣ своемъ Имя Святого Сергія, не затемнится во множествѣ другихъ именъ—сокровищахъ души народной, отъ древнихъ и до многихъ современныхъ. Тогда, когда нужно, народъ опять обращается къ выразителю своей сущности.“ . . .

И Сибирскій писатель Георгій Гребенщикова въ лекціяхъ своихъ, посвященныхъ Преподобному Сергію, знаменательно связываетъ это великое имя съ Сибирью, со славнымъ строительствомъ и неутомимостью.

Вотъ и страница изъ прекрасной книги Бориса Зайцева о Преподобномъ:

„Св. Сергій родился болѣе шестисотъ лѣтъ назадъ, умеръ болѣе пятисотъ. Его спокойная, чистая и святая жизнь наполнила собой почти столѣтіе. Входя въ него скромнымъ мальчикомъ Варфоломеемъ, онъ ушелъ одной изъ величайшихъ славъ Россіи.

„Какъ святой, Сергій одинаково великъ для всякаго. Подвигъ его всечеловѣченъ. Но для русскаго въ немъ есть какъ разъ и насъ волнующее: глубокое созвучіе народу, великая типичность—сочетаніе въ одномъ разсѣянныхъ чертъ русскихъ. Отсюда та особая любовь и поклоненіе ему въ Россіи, безмолвное возведеніе въ народнаго святого, что наврядъ ли выпало другому.

„Сергій жилъ во времена татарщины. Лично его она не тронула: укрыли лѣса радонежскіе. Но онъ къ татарщинѣ не пребылъ равнодушенъ. Отшельникъ, онъ спокойно, какъ все дѣлалъ въ жизни, поднялъ крестъ свой за Россію и благословилъ Дмитрія Донскаго на ту битву, Куликовскую, которая для насъ навсегда приметъ символическій, таинственный оттѣнокъ. Въ поединкѣ Руси съ Ханомъ имя Сергія навсегда связано съ дѣломъ созиданія Россіи.

„Да, Сергій былъ не только созерцатель, но и дѣлатель. Правое дѣло, вотъ какъ понимали его пять столѣтій. Всѣ, кто бывали въ Лаврѣ, поклоняясь мощамъ Преподобнаго, всегда ощущали образъ величайшаго благообразія и простоты, правды, святости, покоящейся здѣсь. Жизнь „безталанна“ безъ героя. Героическій духъ средневѣковья, породившій столько святости, далъ здѣсь блистательное свое проявленіе.

„И естественно, что мѣрою отношенія къ Сергію мѣрили само общество, самый народъ. Однихъ взволнуетъ, умилишь, другимъ отвратенъ обликъ неземной, идущій въ жизнь и просвѣтляющій ее. Имъ Сергій врагъ.

„Онъ врагъ всѣмъ ненавистникамъ Христа, всѣмъ утверждающимъ себя и забывающимъ объ Истинѣ.

Ихъ очень много въ наше время, когда „раздраніе“ міра зашло такъ далеко. Татары, можетъ быть, не тронули бы Сергія, если бы добрались до Лавры; у нихъ было уваженіе къ чужой религіи. Митрополитъ Петръ получилъ отъ Узбека охранительную грамоту для духовенства. Нашъ вѣкъ, въ сознаніи полнѣйшей правоты, разгромилъ Лавру, надругался надъ мощами Сергія, ибо поверхность вѣка нашего есть ненависть ко Христу, мѣшающему быть преступникомъ и торгашемъ.

„Но не во власти вѣка затемнить образъ Преподобнаго. Народъ, въ округѣ, создалъ уже легенду, что истинныя его мощи ушли въ землю—до поры до времени Святой опять уединился, какъ уходилъ отъ міра грубаго при жизни.

Такъ это или нѣтъ, но несомнѣнно, обликъ Сергія—теперь и въ ореолѣ мученичества,—свѣтитъ еще чище, еще обаятельнѣе. Вѣдь и Христосъ побѣдилъ, бывъ распятъ...“

И еще страница:

„Итакъ, юноша Варфоломей, удалившись въ лѣса на „Маковицу“, оказался создателемъ монастыря, затѣмъ монастырей, затѣмъ вообще монашества въ огромнѣйшей странѣ. Меньше всего думалъ объ общественной, уходя въ пустыню и рубя собственноручно „церквицу“: а оказался и учителемъ, и миротворцемъ, ободрителемъ князей и судьей совѣсти!...“

„Участникъ и политики, и малыхъ дѣлъ житейскихъ, исцѣлитель, чудотворецъ... неутомимый труженникъ и духовидецъ, другъ легкаго небеснаго огня и радонежскаго медвѣдя, Преподобный Сергій вышелъ, во вліяніи своемъ на міръ, изъ рамокъ историческаго.

Сдѣлавъ свое дѣло въ жизни, онъ остался обликомъ. Ушли князья, татары и монахи, самый монастырь его закрыть, осквернены мощи, а обликъ живъ, и такъ же свѣтитъ, учитъ и ведетъ.

„Мы Сергія видѣли задумчивымъ мальчикомъ, тихо-послушнымъ; юнымъ отшельникомъ и игуменомъ, и знаменитымъ Сергіемъ-старцемъ. Видѣли, какъ спокойно, неторопливо... восходилъ мальчикъ къ святому. Видѣли въ обыденности, за работой и на молитвѣ, и на распутіяхъ историческихъ, на рубежахъ двухъ эпохъ. Изъ тьмы временъ, изъ отжившаго языка лѣтописей иногда доносились слова его, можетъ быть, и неточныя. Мы хотѣли бы услышать и его голосъ—это заказано, какъ не дано намъ проникнуть въ свѣтъ, легкость, огонь его духа.

„Но изъ всего—и отрывочнаго, и случайнаго, неточнаго—чистотой, простотой... вѣтъ отъ Преподобнаго. Сергій—благоуханнѣйшее дитя Сѣвера. Проклада, выдержка и кроткое спокойствіе, гармонія негромкихъ словъ и святыхъ дѣлъ создали единственный образъ русскаго святителя. Сергій глубочайше русскій, глубочайше православный. Въ немъ есть смолитость сѣвера Россіи, чистый, крѣпкій и здоровый ея типъ... Сергій какъ разъ примѣръ—любимѣйшій самимъ народомъ—ясности, свѣта прозрачнаго и ровнаго. Онъ, разумѣется, заступникъ нашъ. Черезъ пятьсотъ лѣтъ, всматриваясь въ его образъ, чувствуешь: да, велика Россія! Да, святая сила ей дана. Да, рядомъ съ силой, истиной, мы можемъ жить.

„Въ тяжелыя времена крови, насилія, свирѣпости, предательства, подлости—неземной обликъ Сергія утешаетъ и поддерживаетъ. Не оставивъ по себѣ

писаній, Сергій будто бы ничему не учитъ. Но онъ учитъ именно всѣмъ обликомъ своимъ—однимъ онъ утѣшеніе и освѣженіе, другимъ нѣмой укоръ. Безмолвно Сергій учитъ самому простому: правдѣ, прямотѣ, мужественности, труду, благоговѣнію и вѣрѣ.“

Поистинѣ, замѣчательныя страницы русскихъ писаній посвященны Радонежскому Заступнику Земли Русской.

Знамя Св. Сергія

Картина акад. Н. К. Рериха
(Национальный Музей въ Бѣлградѣ)

Отойдя въ Обитель Свѣта, истинную родину свою, Преподобный не оставилъ заступничествомъ своимъ любимую имъ паству и Землю Русскую. Неоднократно являлся онъ кому-либо изъ братіи. Видѣли его стоящимъ за всенощнымъ бдѣніемъ на своемъ мѣстѣ, видѣли благословляющимъ братію.

Осенью 1408 года къ предѣламъ Московскимъ вновь стали приближаться татары. Игумень Никонъ, ученикъ Преподобнаго, усердно молился, чтобы Господь сохранилъ обитель, при этомъ призывалъ имя великаго Основателя ея. Ночью, послѣ молитвы, присѣлъ, чтобы отдохнуть, и вотъ видитъ святителей Петра и Алексія и съ ними Преподобнаго Сергія, который сказалъ ему: „Господу было угодно, чтобы иноплеменники коснулись и сего мѣста, ты же, чадо, не скорби и не смущайся; Обитель не запустѣетъ, а процвѣтетъ еще болѣе.“ Придя въ себя, Никонъ поспѣшилъ къ дверямъ, но они оказались запертыми. Отворивъ ихъ, онъ увидѣлъ Святыхъ, идущихъ отъ его кельи. Тогда понялъ Никонъ, что это былъ не сонъ, но истинное видѣніе.

Предсказаніе Преподобнаго Сергія исполнилось. Татары раззорили Обитель и сожгли ее. Но предупрежденные иноки временно удалились изъ монастыря, а когда враги отступили отъ предѣловъ Московскихъ, Никонъ, съ незримой помощью Преподобнаго Сергія, снова отстроилъ Обитель.

На протяженіи столѣтій непрерывный потокъ людей со всѣхъ концовъ Россіи, всѣхъ положеній и

состояній, стекался ко гробу Преподобнаго. Множество чудесъ и исцѣленій совершалось тамъ, гдѣ въ сердцѣ нерушимо пребывала живая связь съ великимъ Молитвенникомъ и Печальникомъ Земли Русской.

Одна изъ величайшихъ святынь Троице-Сергіевой Обители, икона явленія Богоматери Сергію, сопутствовала русскимъ войскамъ во всѣхъ походахъ и подвигахъ, принося имъ ободреніе и надежду на помощь и заступничество Небесныхъ Силь.

Въ 1552 году, отправляясь подъ Казань, Царь Иванъ Васильевичъ посѣтилъ Обитель Св. Сергія, чтобы испросить его помощь. Подъ Казанью шатерь царя былъ неотлученъ отъ походной церкви во имя Преподобнаго Сергія, и къ нему была обращена молитва царя передъ взятіемъ Казани. А изъ Обители Сергіевой, въ часъ рѣшительной битвы, прибылъ, съ крестомъ и образомъ Явленія Богоматери Преподобному Сергію, инокъ Адріанъ Ангеловъ.

По взятіи Казани царь повелѣлъ въ Казани же и въ Свіяжскѣ основать монастыри во имя Преподобнаго Сергія и, возвращаясь изъ похода, вновь посѣтилъ Троицкую Обитель, принося благодарность Заступнику Русской Земли.

Троицкій келарь Симонъ Азаринъ, въ предисловіи къ своему Сказанію о новоявленныхъ чудесахъ Св. Сергія, писалъ: „но свыше цѣлебныхъ даровъ отъ Бога благодать дана ему всю Россійскую землю заступати отъ находящихъ враговъ христіанскихъ... яко Богомъ данный помощникъ всему Государству. И всюду и вездѣ царемъ и великимъ княземъ обрѣташеся Помощникъ во бранехъ, яко же на Дону великому князю Дмитрею на безбожнаго царя Мамаю бла-

гословеніе давъ, и во время бою посланными своими крѣпко вооруживъ... Тако же подъ Казанью и подъ Свіяжскимъ градомъ, царю и великому князю Ивану на безбожныхъ татаръ чудесы своими помощь дарова... и гдѣ ни быша во бранехъ цари, государи и великіе князи, Преподобнаго Сергія имя во устѣхъ присно поминаху, и церковь полотняную во имя его на путехъ близъ шатровъ своихъ поставляху... такожь и подъ Москвою въ обозѣ противъ Крымскаго царя... И вездѣ, во всякомъ пути, и во всякихъ напастехъ имя его призываху, и егда въ любовь прихождаху, именемъ его утверждающеся.“...

Но особенно много ободренія и чудесъ было явлено Преподобнымъ Сергіемъ въ тяжкое время Смуты (отъ 1607—1613). Троицкая Обитель къ этому времени, возвышаясь въ духовномъ и общественномъ значеніи, переуспѣвала и въ своемъ строительствѣ. Въ 1550 году былъ законченъ большой пятиглавый Успенскій Соборъ и вокругъ монастыря была сооружена массивная каменная стѣна съ 12-ю башнями, превратившая монастырь въ первоклассную крѣпость, прикрывавшую дорогу изъ Москвы въ сѣверные города. Богатства Монастыря настолько возрасли, что уже съ XVI вѣка казна монастырская могла ссужать значительныя суммы на нужды государственныя. И, конечно, такая крѣпость, съ хранившейся въ ней богатой казной, представляла заманчивую добычу для „тушинцевъ“, поляковъ и литовцевъ смутнаго времени.

На эту духовную твердыню и сокровищницу Земли Русской и устремились хищники, и 23-го сент. 1608 года воевода Тушинскаго царька, Петръ Сапѣга, съ войскомъ изъ поляковъ и литовцевъ, а также съ примкнувшими къ нимъ многочисленными отрядами изъ тушинцевъ, подошелъ къ стѣнамъ монастыря. Число враговъ, по показаніямъ плѣнныхъ, простиралось до 30-ти тысячъ. Этой вражеской силѣ защитники Сергіевой Обители могли противопоставить самыя незначительныя силы. Царь Василій Ивановичъ прислалъ въ монастырь небольшой отрядъ подъ начальствомъ воеводъ Алексѣя Голохвостова и князя Долгорукаго-Рощи. Кромѣ того, монастырь вооружилъ всѣхъ

своихъ слугъ, служебниковъ и крестьянъ, и даже братія взялась за оружіе. Такъ что число защитниковъ набралось до 2400 чел. Собрались подъ защиту монастыря также и все ближайшее населеніе (между ними были старцы, женщины и дѣти), что сильно осложняло положеніе и затрудняло защиту. Враги заняли всѣ дороги, ведущія къ монастырю, своими заставами.

Съ своей стороны и осажденные энергично готовились къ оборонѣ. Воеводы, совмѣстно съ архимандритомъ и соборными старцами, привели всѣхъ защитниковъ къ крестному цѣлованію у Раки Преподобнаго Сергія, съ обѣщаніемъ крѣпко и непоколебимо стоять противъ враговъ. „И оттолѣ“, пишетъ въ своемъ Сказаніи знаменитый келарь Троицкой Лавры Авраамій Палицынъ, „бысть во градѣ братолюбіе веліе и вси со усердіемъ безъ измѣны ратовахуса со враги.“

Сказаніе объ осадѣ монастыря повѣствуетъ о многократныхъ явленіяхъ Преподобнаго Сергія архимандриту Юсафу и понамарю Иринарху съ предупрежденіями объ опасности и обѣщаніями помощи.

29-го сент. воевода Петръ Сапѣга и Александръ Лисовскій прислали въ монастырь двѣ грамоты воеводамъ и архимандриту Юсафу съ требованіемъ сдачи и обѣщаніемъ награды въ случаѣ покорности, и угрожая лютой смертью всѣмъ сопротивляющимся. Но слова польско-литовскихъ военачальниковъ „пали, какъ вѣтеръ на скалу Троицкую.“ Воеводы и архимандритъ Юсафъ послали врагамъ суровый и рѣшительный отказъ. Жестокая борьба началась.

30-го сент. враги повели на монастырь приступъ со всѣхъ четырехъ сторонъ. Вражеская артиллерія

осыпала монастырь ядрами. Но Преподобный хранилъ Обитель свою. Ядра упали въ пустыя мѣста или въ прудъ и сравнительно мало вреда причиняли осажденнымъ. Послѣ длительного и жестокаго боя врагъ отступилъ съ большими потерями. Враги рѣшили перейти къ правильной осадѣ крѣпости и, установивъ орудія, укрѣпивъ ихъ рвами и окопами, начали обстрѣль монастыря изъ 63-хъ орудій.

Не мало приступовъ было сдѣлано врагами, и неизмѣнно Преподобный въ видѣніяхъ предупреждалъ о каждой опасности. Такъ, наканунѣ одного сильнаго приступа, понамарь Иринархъ видѣлъ, какъ Св. Сергій ходилъ по оградѣ и кропилъ ее святой водой. Защитники, предупрежденные такимъ чудеснымъ образомъ, окрылялись духомъ и неизмѣнно отбивали всѣ нападенія, нанося существенный уронъ неприятелю. Отчаявшись взять монастырь приступомъ, врагъ сталъ вести подкопъ подъ монастырь. Осажденнымъ стало извѣстно о подкопѣ подъ стѣны монастырскія. Каждую минуту имъ грозила страшная гибель.

Въ эти тяжкіе дни Преподобный Сергій явился архимандриту Юсафу. Послѣ усердной молитвы Юсафъ впалъ въ дремоту, и вотъ видитъ онъ, что Преподобный, съ воздѣтыми руками, слезно молится, окончивъ молитву, онъ обратился къ Юсафу и сказалъ ему: „Встань, братъ, бдите и молитесь, да не внидите въ напасть.“ Слѣдовавшая за этимъ вылазка дала первыя свѣдѣнія о подкопѣ. Вскорѣ послѣ этого арх. Юсафъ вновь имѣлъ видѣніе. Совершая у себя въ келии правило, онъ задремалъ, и вотъ снова приходитъ къ нему Преподобный и говорить: „встань, не скорби, но

въ радости вознеси молитвы, ибо о всѣхъ васъ молится Богу Пресвятая Богородица“...

Послѣдовавшая за этимъ видѣніемъ вылазка 9-го ноября оказалась чрезвычайно удачной для защитниковъ, было обнаружено устье подкопа. Два крестьянина подмонастырскаго села Клементьева, Никонъ Шиловъ и Слота, взорвали подкопъ, геройски пожертвовавъ собою для спасенія Обители. Такъ дозоромъ Преподобнаго осажденнымъ еще разъ удалось избѣжать страшной гибели.

Въ эти грозные дни Преподобный Сергій являлся не только бывшимъ въ святой Обители, но также и тушинскимъ казакамъ, осаждавшимъ Лавру. Одинъ казакъ изъ непріятельскаго войска пришелъ въ монастырь и рассказалъ о явленіяхъ Преподобнаго. Многіе изъ нихъ видѣли, какъ по монастырскимъ стѣнамъ ходили два свѣтозарныхъ Старца, похожіе по описанію на чудотворцевъ Сергія и Никона. Одинъ изъ нихъ кадилъ монастырь, другой кропилъ его святой водою. Въ одну ночь Преподобный явился во снѣ многимъ врагамъ и предрекъ имъ гибель. Нѣкоторые казаки, уstraшенные этими явленіями, оставили лагерь враговъ и ушли домой.

Между тѣмъ, наступила зима и заставила враговъ прекратить частыя нападенія. Но обрушилась новая бѣда. Отъ тѣсноты, грязи, дурной пищи и загрязненной воды въ монастырѣ развилась цынга. Небольшія силы защитниковъ уменьшались съ каждымъ днемъ, могущихъ носить оружіе осталось не болѣе тысячи. Но дивно хранима была Обитель Преподобнаго!

Все же, по мѣрѣ порѣдѣнія рядовъ защитниковъ, уныніе начало овладѣвать слабѣйшими и стали даже раздаваться голоса, что лучше сдаться врагу добровольно, ибо нельзя уже послать въ Москву за помощью, которая бы подоспѣла къ веснѣ, къ возобновленію военныхъ дѣйствій.

И снова, по преданію, Преподобный, чтобы поддержать мужество и ободрить малодушныхъ, явился понамарю Иринарху и сказалъ ему:

„Скажи братіи и всѣмъ ратнымъ людямъ, зачѣмъ скорбятъ о томъ, что невозможно послать вѣсть въ Москву? Сегодня, въ третьемъ часу ночи, я послалъ отъ себя въ Москву, въ домъ Пречистой Богородицы и ко всѣмъ Московскимъ чудотворцамъ трехъ моихъ учениковъ: Михея, Варфоломея и Наума. Враги видѣли посланныхъ, спросите—почему они не схватили ихъ?“

Иринархъ рассказалъ объ этомъ видѣніи. Всѣ стали спрашивать стражу — не видѣлъ ли кто посланныхъ изъ монастыря? Выяснилось, что непріятельская стража дѣйствительно видѣла трехъ старцевъ, и стала ихъ преслѣдовать, надѣясь быстро настигнуть ихъ, такъ какъ кони подъ старцами были очень плохи. Но преслѣдовавшіе обманулись, кони подъ старцами неслись, какъ будто крылатые. Враги не смогли нагнать ихъ.

Въ это время въ Обители былъ одинъ больной старецъ. Услыхавъ о чудѣ, онъ сталъ размышлять, на какихъ такихъ коняхъ были, посланные Сергіемъ, старцы, и дѣйствительно ли все это было? Тогда явился ему Преподобный и сказалъ, что Онъ послалъ старцевъ на трехъ слѣпыхъ лошадахъ, которыя вслѣдствіе недостатка корма, были выпущены за монастыр-

скую ограду. Послѣ чего онъ исцѣлилъ старца отъ болѣзни и вмѣстѣ съ тѣмъ отъ невѣрія.

По преданію, въ этотъ самый день въ Москвѣ видѣли ѣдущаго старца, за которымъ слѣдовало двѣнадцать возовъ, наполненныхъ печенымъ хлѣбомъ. Москва тогда тоже была осаждена врагами и терпѣла нужду въ хлѣбѣ. Старецъ съ возами и со спутниками направлялся къ Богоявленскому Монастырю, гдѣ тогда было Лаврское подворье. Видѣвшіе это дивились и недоумѣвали:

„Кто этотъ старецъ и его спутники и какъ прошли они сквозь непріятельское войско?“ Старецъ же привѣтливо отвѣчалъ: „всѣ изъ дома Пресвятой и Живоначальной Троицы.“ Когда же его спросили, что происходитъ въ Обители Преподобнаго Сергія, старецъ отвѣчалъ: „Не предастъ Господь имени своего въ поношеніе, только сами вы, братіе, не смущайтесь и не предавайтесь отчаянію.“

Между тѣмъ, по Москвѣ сталъ распространяться слухъ о прибывшихъ изъ Обители Сергія. Самъ царь Василій спрашивалъ, почему къ нему не привели ихъ? Множество народа стало стекаться къ Богоявленскому Монастырю, но тамъ никто не видѣлъ прибывшихъ. Когда же въ этомъ монастырѣ оказалось вдругъ большое изобиліе хлѣба, тогда поняли, что то было явленіе Преподобнаго Сергія.

Такъ въ народномъ сознаніи преломлялась духовная помощь Преподобнаго.

А къ веснѣ 1609 года царь Василій могъ послать въ Троицкую Обитель небольшой отрядъ казаковъ подъ началомъ Атамана Остакова, къ которому келарь

Авраамій присоединилъ 20 человѣкъ монастырскихъ слугъ изъ Богдавленскаго Монастыря.

Въ маѣ возобновились военныя дѣйствія подъ Троицкимъ Монастыремъ. Враги снова произвели на стѣны монастырскія приступы, который былъ отбитъ съ большимъ урономъ. Въ июлѣ приступы возобновились и снова были отбиты, несмотря на то, что въ послѣднемъ нападеніи принималъ участіе пришедшій съ новыми силами панъ Зборовскій, похвалявшійся однимъ ударомъ взять „лукошко“, какъ онъ называлъ Троицкую крѣпость. . . . А въ это время къ монастырю, наконецъ, приближался избавитель, князь Скопинъ-Шуйскій, шедшій съ сильнымъ войскомъ на освобожденіе Москвы отъ тушинцевъ.

Заступничество Преподобнаго Сергія спасло его Обитель отъ раззоренія. Разбитые нѣсколько разъ послѣ 16-ти мѣсячной осады, враги, въ страхѣ передъ наступавшимъ на нихъ войскомъ кн. Скопинъ-Шуйскаго, отступили отъ стѣнъ Троицкой Лавры.

Доблестной защитой монастырской крѣпости не была исчерпана служба Троицкой Обители Землѣ Русской въ тяжкіе годы Смутнаго времени. Во время осады, когда и сама Москва была стѣснена „тушинцами“, и въ ней начался сильный недостатокъ и дороговизна на сѣстные припасы, находившійся въ Москвѣ келарь Авраамій Палицынъ выпускалъ на рынокъ по дешевой цѣнѣ изъ монастырскихъ житницъ сотни четвертей ржи, и тѣмъ заставлялъ хлѣботорговцевъ понижать цѣну на хлѣбъ. А въ тяжелый 1611-ый годъ, когда наступилъ самый критическій моментъ во внутренней исторіи Московскаго Государства, когда захватившіе Москву поляки и ихъ русскіе

приспѣшники стали жестоко угнетать Русь и угрожать всему національному быту, когда, въ отчаяніи за будущую судьбу своей родины, люди терялись среди ужасающихъ событій и не знали откуда ждать помощи, тогда изъ стѣнъ Троицкой Обители раздался набатный звонъ по всей Руси. Доблестный Троицкій архимандритъ Діонисій и келарь Авраамій Палицынъ разсылали изъ монастыря по всѣмъ городамъ пламенныя грамоты съ призывомъ къ русскимъ людямъ подняться на защиту вѣры и отечества и освободить отъ враговъ Московское Государство.

Эти пламенныя грамоты и тѣ необычныя видѣнія, всегда связанныя съ обликомъ Преподобнаго Сергія, начавшіяся проявляться повсемѣстно среди людей самага различнаго положенія, вызвали въ народѣ подъемъ религіознаго чувства, величайшаго напряженія, при которомъ чудо освобожденія и очищенія Московскаго Государства сдѣлалось возможнымъ. Такъ, одинъ изъ главныхъ героев освобожденія Козьма Мининъ указывалъ, что источникъ его рѣшимости поднять ополченіе таился въ чудесномъ троекратномъ ему видѣніи Преподобнаго. Въ сонномъ видѣніи явился ему великій Чудотворецъ и велѣлъ собирать казну для ратныхъ людей и идти съ ними очищать Государство Московское отъ разбойниковъ. Пробудившись, Козьма въ страхѣ сталъ размышлять о видѣніи, но, полагая, что собираніе войска не его дѣло, не зналъ на что рѣшиться. Спустя немного времени, Преподобный вторично явился ему, но и послѣ того Козьма пребывалъ въ нерѣшительности. Тогда Преподобный въ третій разъ явился ему и сказалъ:

„Не говорилъ ли я тебѣ, чтобы ты собирала ратныхъ людей! чтобы ты шель на освобожденіе Земли русской отъ враговъ. Не бойся того, что старшіе не пойдуть за тобою, младшіе охотно исполнять это, и благое дѣло будетъ имѣть добрый конецъ.“ Последнее видѣніе повергло Козьму въ такой трепеть, что онъ даже занемогъ, но больше сомнѣваться уже не могъ и ревностно принялся за указанное великое дѣло.

Такъ разсказывается знаменательный моментъ Русской Исторіи.

Послѣ окончательнаго очищенія Московскаго Государства отъ враговъ раннею весною 1613 года, новизбранный царь Михаилъ Федоровичъ, направляясь изъ Костромы въ Москву, прибылъ въ Обитель Троицкую, гдѣ и остался недѣлю, укрѣпляясь молитвою у гроба Преподобнаго Сергія на подвигъ великаго царскаго служенія.

Славная же Обитель Троицкая, столь много претерпѣвшая въ Смутное время и сослужившая такую великую службу Русской Землѣ, стала быстро оправляться отъ причиненныхъ ей потерь и раззореній, какъ и прежде привлекая къ себѣ несчетное множество богомольцевъ и посѣтителей. Цари Московскіе совершали богомольные походы къ Троицѣ. Восточные Патріархи, пріѣзжавшіе на Русь, также посѣщали знаменитую Обитель и поклонялись ей Святынь. Народъ русскій, отъ сильныхъ міра сего до послѣдняго нищаго, на протяженіи столѣтій непрерывной вереницей шель на поклоненіе ко гробу Чудотворца Сергія, и чистые сердцемъ находили отвѣтъ на моленія свои, и получали радость духовную и исцѣленіе немощамъ своимъ.

Святыня Троицкой Обители—Образъ Явленія Божіей Матери Св. Сергію сопутствовалъ русскимъ войскамъ и въ войнахъ съ Польшей и Литвой при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ.

Въ 1656 году царь Алексѣй Михайловичъ прислалъ въ монастырь Троицкій грамоту, въ которой онъ приносилъ горячую благодарность „великому Отцу и Чудотворцу, Заступнику и крѣпкому Молитвеннику и скорому Помощнику Преподобному Сергію за успѣхи русскаго оружія въ войнѣ съ Польшей за освобожденіе Малороссіи.“

Въ самомъ концѣ XVII вѣка Сергіева Обитель еще разъ спасла Россію отъ новой великой смуты, сохранивъ жизнь будущаго преобразователя Россіи — Петра Великаго.

Въ сентябрѣ 1682 г. цари Іоаннъ и Петръ и сестра ихъ Софія, спасаясь отъ мятежнаго князя Хованскаго и его стрѣльцовъ, укрылись въ Троицкомъ Монастырѣ. Тѣмъ временемъ были посланы воззванія во многіе города къ ратнымъ людямъ съ призывомъ идти подъ Москву на защиту царской семьи. Въ Троицкомъ монастырѣ собрались тысячи вѣрныхъ воиновъ. Князь Хованскій былъ схваченъ и казненъ, послѣ чего мятежники изъявили покорность.

Черезъ семь лѣтъ, въ ночь на 8-ое августа 1689 г. царь Петръ Алексѣевичъ, спасаясь на этотъ разъ отъ злоумышленія на его жизнь со стороны царевны Софіи и стрѣльцовъ, прискакалъ изъ подмосковнаго села Преображенскаго въ Троицкую Обитель искать помощи и защиты. Два мѣсяца пробылъ царь Петръ въ стѣнахъ Троицкой Обители. Снова собрались войска,

вѣрныя царю, и мятежники снова должны были покориться, и порядокъ государственный былъ восстановленъ.

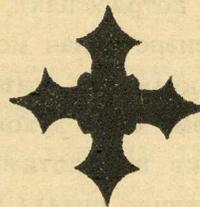
Троицкая Обитель, постоянно являвшаяся оплотомъ противъ враговъ Государства, также нерѣдко предоставляла свою казну въ распоряженіе Государей. Такъ, наибольшія суммы были отпущены Троицкой казной во время царствованія Петра на корабельное строеніе, на ратныхъ людей и другія государственныя нужды.

„Церковное богатство—нищихъ богатство“, говорилось въ старину, и богатствами Троицкой Обители въ теченіе многихъ вѣковъ пользовались, какъ мы видимъ, русскіе люди — отъ царя до послѣдняго нищаго...

Великое почитаніе Святыни Троицкой продолжалось и при слѣдующихъ императорахъ и императрицахъ, всѣ они приходили на поклоненіе ко гробу Св. Сергія. Такъ, въ 1877 году Императоръ Александръ II, рѣшивъ поднять оружіе за освобожденіе балканскихъ славянъ, посѣтилъ Лавру Преподобнаго Сергія, чтобы испросить у великаго Заступника и Покровителя Земли Русской благословеніе на предпринимаемый имъ подвигъ. Изъ рукъ митрополита принялъ икону Явленія Божьей Матери Преподобному для препровожденія ея въ дѣйствующую армію.

Въ 1892 году Троице-Сергіева Лавра торжественно праздновала 500-лѣтіе со дня смерти своего великаго Основателя, а черезъ 25 лѣтъ вновь пришли для всей Русской Земли тяжкія времена скорби и гоненія. Богоборческой развалъ, повергнувшей Россію, разрушительно коснулся и святой Троицкой Обители.

Она закрыта, и кощунственныя руки посягнули на ея завѣтную Святыню. Святыя мощи Преподобнаго Сергія въ 1919 году, распоряженіемъ властей, переданы въ Музей.

Сергій Духотворецъ! Сергій—Живая Связь съ Міромъ Высшимъ!

Если Пламенный Обликъ его общечеловѣченъ, то дѣло, сложенное имъ, есть дѣло строенія Государства Русскаго. На всѣхъ поворотныхъ пунктахъ исторіи Россіи, при всѣхъ потрясеніяхъ, обрушивавшихся на Землю Русскую, неизреченная мощь Преподобнаго и твердыня духовной культуры, имъ заложенная, стоятъ нерушимымъ оплотомъ силъ духовныхъ.

Мы видѣли, какъ на протяженіи столѣтій мощь Преподобнаго неотступно питала и хранила любимую имъ Землю Русскую.

Но исторія повторяется, и кто можетъ сказать, что наступившіе съ началомъ XX-го ст. годы развала, гоненія и кощунственнаго разрушенія Святынь снова не смѣнятся великимъ, еще небывалымъ духовнымъ подъемомъ, который въ стихійности своей превыситъ всѣ до него бывшіе подвиги?

„Однимъ изъ отличительныхъ признаковъ великаго народа,“ говоритъ Ключевскій, „служить его способность подниматься на ноги послѣ паденія. Какъ бы ни было тяжело его униженіе, но пробѣтъ урочный часъ, онъ соберетъ свои растерянные нравственные силы и воплотитъ ихъ въ одномъ великомъ человѣкѣ

или въ нѣсколькихъ великихъ людяхъ, которые и выведутъ его на покинутую имъ, временно, прямую историческую дорогу.“

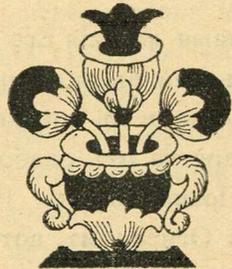
Черезъ многія тяжкія испытанія прошла Земля Русская, но всѣ они лишь послужили къ ея очищенію и возвеличенію — такъ было, такъ будетъ. Сильна Россія мощью Свѣтоноснаго Вождя и Хранителя своего! Кто можетъ сказать, что Мощь его, неотступно стоящая на дозорѣ, не ждетъ срока, записаннаго въ Скрижаляхъ Небесныхъ?

Уже неизреченныя касанія Его достигаютъ многія сердца и трепещутъ они въ радостномъ предчувствіи Новой Зари. Вновь, какъ въ грозное время очищенія Московскаго Государства отъ разбойниковъ, повсюду встаютъ видѣнія Преподобнаго. Разнообразны они: вотъ Онъ въ Вихрѣ Огненномъ, вотъ Одинъ въ сіяніи серебряномъ, съ поднятой чашей; вотъ въ сопровожденіи двухъ сподвижниковъ, низко опущены схимы на лики ихъ; вотъ станъ, во мглѣ серебристой, не видать конца края его, и стягъ Преподобнаго рѣетъ высоко надъ нимъ; вотъ благовѣсть несется незримая, толпы народа спѣшатъ, праздничны одежды; вотъ слышенъ призывъ Его пламенный, звучитъ въ немъ радость побѣды великой, радость грядущему мощному Строительству!

Пробѣтъ часъ, Свыше предуказанный, и народъ Земли Русской въ порывѣ любви пламенной къ родинѣ

своей, въ подвигъ духа, подыметъ подь стягомъ Преподобнаго противъ безбожныхъ за Святыню отечества, за достоинство свое, за благо народовъ!

Отче Сергіе, Дивный, съ Тобою идемъ, съ Тобою
ПОБЪДИМЪ!

Жизнь безталанна безъ героя“, такъ гласить устами народа древняя мудрость. Такъ утверждаетъ законъ эволюціи. Въ дни разрушеній, въ дни неслыханныхъ озлобленій и всякаго надруганія и кощунства, когда высшей культурѣ духа, а слѣдовательно и эволюціи всего человѣчества, грозитъ гибель, не должно ли понятіе это зажечь сознаніе и сердца не только лучшихъ умовъ человѣчества, но захватить всѣ лучшія силы народовъ?

Уже во многихъ странахъ встають облики вождей и героевъ, ибо душа народовъ тоскуетъ о Вождѣ Свѣтлаго Будущаго. Но темные въ ярости саморазрушенія продолжаютъ возставать, кощунствовать и скрежетать противъ всякаго понятія героя и вождя.

Свѣтъ и тьма! Рѣзко обозначилась грань между Свѣтомъ и тьмою!

Непріемлемъ вождь и герой для темнаго сознанія, ибо вождь идетъ за Свѣтомъ Высшимъ, за Свѣтомъ, влекущимъ въ Будущее.

Истинный вождь есть воплощеніе Указа Высшаго. Въ такомъ вождѣ, какъ въ фокусѣ, сходятся Велѣнія Свѣта и чаянія народа. Такой вождь идетъ осѣненный знаніемъ высшимъ, и милосердіе и строительство dospѣхи его.

Такимъ Вождемъ былъ Преподобный Сергій, вдохнувъ героическій духъ въ народъ, Онъ устремилъ его въ будущее. Такимъ Вождемъ остается Онъ и сейчасъ, ибо нерасторжима связь Великихъ Духовъ съ дѣломъ и подвигомъ ихъ жизни.

Осіянный Свѣтомъ Несказуемымъ, стоитъ Онъ, невидимо Видимый, на ступеняхъ великой Лѣстницы Іерархіи Свѣта, готовый въ указанный часъ устремить легіоны Свѣтлыхъ Силъ, готовый благословить народъ свой и Вождя его земнаго на новый подвигъ.

Свѣтъ и тьма! Свирѣпствуетъ преуказанная битва! Грозенъ Армагедонъ! Но часъ рѣшительный наступаетъ, и Свѣтъ побѣждаетъ тьму!

